

ISSN 2312-332X

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1(32)

2022

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2022
№ 1(32)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

Издается с 1997 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский университет

© Самарский университет, 2022
© Самарский земский сборник, 2022
© Центр периодических изданий
Самарского университета,
оформление, 2022

*На обложке использована репродукция
из монографии-альбома В. Каркарьяна
«Самара – Куйбышев – Самара» (2004)
Дом на углу улиц Красноармейской
(Алексеевской) и Самарской (Мечетной),
(утрачен)*

**Главный редактор
П.С. Кабытов**

Редакционная коллегия

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)
В.Н. Данилов
Э.Л. Дубман
Н.Н. Кабытова
В.В. Кондрашин
М.М. Леонов
Ю.Н. Смирнов

*Ответственный секретарь
О.Б. Леонтьева*

*Художественный редактор
Л.В. Крылова*

*Компьютерная верстка, макет
А.А. Борисовой*

Подписано в печать 28.11.2022. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 6,25.
Гарнитура «RaleighIT BT». Тираж 100 экз. Заказ №
Центр периодических изданий Самарского университета,
443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22а, тел. 334-54-06.
Отпечатано с готового оригинал-макета в цифровой типографии
ООО «Прайм». Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Наш юбиляр</i>	4
<i>Трифорова В.В.</i> К юбилею ученого: Екатерина Петровна Барина	5
<i>Кобозева З.М.</i> «А любовь супружескую я ценил дороже всего в мире»: воспоминания самарского купца Егора Никитича Аннаева	10
<i>Кабытов П.С., Кобозева З.М.</i> Советское производство и его лидеры: новая исследовательская парадигма	26
<i>Тягун Д.Б.</i> Историографический анализ образа святителя Гермогена в истории Российского государства	30
<i>Кривова Д.А.</i> Специфика взаимодействия Кабинета министров 1730-1741 гг. с местными органами власти	33
<i>Бувич М.А.</i> Ландмилицкое поселение при Красноярской крепости: проект и реализация	36
<i>Таишева А.Ф.</i> Исторические рассказы в детских журналах А.О. Ишиловой (1840-1860-е гг.)	39
<i>Торунов В.А.</i> Деятельность местных комитетов Особого совещания (1902-1905) в области судопроизводства	42
<i>Васина Д.И.</i> Эволюция дачи как места отдыха горожан в дореволюционный период	45
<i>Анисимова В.В.</i> Братания на русском фронте Первой мировой войны: социально-психологический аспект	48
<i>Николаев С.В.</i> Письма зрителей и слушателей к Владимиру Высоцкому	50
Информация для авторов	53

НАШ ЮБИЛЯР

***Екатерина Петровна Баринова** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, международного права и регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета, автор более чем 270 публикаций, в том числе 10 монографий*

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО: ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА БАРИНОВА

В статье охарактеризован вклад Е.П. Бариновой в изучение истории российского дворянства и Самарского края, проанализированы основные направления ее научной работы.

Ключевые слова: Е.П. Барина, история дворянства, история Самары.

Почему история?

Историческая наука в нашей стране переживала непростые периоды. В парадигме советской историографии вся история до Октября 1917 года считалась реакционной, отношения между социальными стратами – эксплуататорскими, прогрессивная роль отводилась исключительно пролетариату. Но все-таки и в той, зарегулированной действительности возможно было исследовать и говорить о тех событиях прошлого, которые интересовали ученых, но не всегда одобрялись научным сообществом. Атмосфера поиска, научной смелости и независимости оценок стали узнаваемым стилем кафедры российской истории Самарского университета еще тогда, когда город назывался Куйбышевым, без цитаты Ленина не обходилась ни одна даже студенческая статья, а Екатерина – дочь заведующего кафедрой Петра Серафимовича Кабытова – мечтала стать метеорологом.

Но сегодня Екатерина Петровна Барина – доктор исторических наук, профессор, автор более чем 270 публикаций, в том числе 10 монографий, заведующая кафедрой истории, международного права и регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета. И ее увлечение историей, как и выбор будущей профессии и даже судьбы, вполне закономерно: мать, Надежда Николаевна Кабытова – авторитетный исследователь революции 1917 года, отец, Петр Серафимович – один из основателей и лидер сообщества историков-аграрников Среднего Поволжья, дома постоянно бывают коллеги родителей М.И. Леонов, Э.Л. Дубман, Г.И. Матвеева, – те, кто заложили основу фундаментальных исследований по истории Поволжья. Наука как образ жизни, взвешенность суждений, точность и объективность создавали вокруг атмосферу, где единственным достойным, интересным делом была только история, наука.

Как возникла тема?

В 1989 году Екатерина Петровна с отличием окончила исторический факультет Куйбышевского государственного университета, поступила в заочную аспирантуру, одновременно и преподавала. Руководителем аспирантуры по истории СССР был Соломон Герцевич Басин – создатель школы поволжских историков, изучающих

* © Трифонова В.В., 2022

Трифонова Виктория Валериевна (vitolda08@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

различные аспекты истории рабочего класса страны. Однако в последние годы существования Советского Союза наука обратила внимание на социальные траектории, множественные идентичности: вместо истории классов начала интересоваться историей самых разных социальных групп. Исследователи отмечают, что в названиях научных трудов замелькали слова «потерянные», «забытые» применительно к социальным слоям, народам... Екатерина Петровна выбрала «бывших»...

«Разгром дворянских усадеб, последовавший после революции 1917 г., справедливо называют культурной трагедией России в чрезвычайно широких масштабах», – говорит Екатерина Петровна. В своих работах она отмечает, что с 1918 г. «увеличились случаи разграбления и уничтожения дворянских имений, физической расправы над бывшими помещиками. При этом, не понимая художественной ценности дворянских библиотек или коллекций, крестьяне зачастую просто ломали вещи или сжигали книги» [6, с. 50-51].

Почему же люди, которые составляли цвет нации, оказались ненужными своей стране? Как они выживали в стране Советов или на чужбине? Наименее исследованной в то время была проблема положения дворян в советском социуме и условия их быта в качестве маргинальной социальной группы «бывших людей».

Успешная защита кандидатской диссертации и публикация монографии «Кризис русского дворянства» привлекли внимание профессионального сообщества к молодому ученому [7]. Научным консультантом докторской диссертации Екатерины Петровны стал выдающийся ученый Виктор Григорьевич Тюкавкин – автор уникальной самобытной концепции проблем социально-экономической истории России XIX-XX вв. Он же выступил и в качестве научного редактора монографии Е.П. Бариновой «Власть и помещное дворянство в начале XX века» [1]. Именно за эту книгу автор была удостоена Губернской премии в области науки и техники за 2004 год.

Дальнейшие исследования позволили нюансировать историю дворянства: в 2006-2007 гг. научные изыскания Екатерины Петровны были поддержаны грантом Президента Российской Федерации, что ускорило издание монографий «Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет» [5] и «Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик» [6].

Как исследовать?

Выдающийся социолог, политолог и историк Чарльз Тилли определял задачи социальной истории, во-первых, как документирование крупных структурных изменений, во-вторых, как реконструкцию опыта обычных людей в ходе этих изменений, и, наконец, как соединение первых двух задач, то есть комплексный подход к решению проблемы. Новая социальная история – научное направление, ярким представителем которого является Е.П. Баринова, – получила признание и распространение в отечественной историографии в последние десятилетия прошлого века. Важно, что междисциплинарный подход позволял расширить тематику социальной истории и проводить оригинальные исследования, основанные на архивных данных, материалах устной истории, эго-документах и т.д. Но здесь требуется не только методология и объективность: «Лучшими свидетелями времени являются источники, которые не предназначались для публикации – письма, мемуары, дневники, – полагает Екатерина Петровна. – Это повседневная история, ежедневная летопись – работать с ними чрезвычайно сложно. Сто лет спустя мы рассматриваем факты, события, поступки, исходя из оценок и мироощущения сегодняшнего дня. Потому и кажется, что в прошлом все было ясно и объяснимо. Но работа с личными документами требует почти “расследования” – расшифровки текста, поиска “скрытого смысла”». При работе с эго-документами не менее важными для

исследователя становятся корректность и уважение к мнению, чувствам, переживаниям людей, которые прожили самые разные жизни, давно ушли и для исследователя являются формально только источниками информации. Однако искреннее сочувствие к ним помогает иногда узнать куда больше. Еще в 2004 году вышли статьи «Дворянские усадьбы в начале XX века» и «Дворянское гнездо Наумовых», в 2005 – «Дворянская усадьба как хозяйственный и культурный феномен», и уже позже, в статье 2017 года «Провинциальное дворянство в годы Гражданской войны» Е.П. Барина с совершенно понятной горечью констатирует: «Экспроприация земельной собственности дворянства оставляла дворянские семьи без источника существования. Причем, более значимым для представителей дворянского сословия была не утрата земли как собственности, а усадьбы, имения как малой родины, как материальной памяти, символа рода и преемственности поколений» [3, с.233].

В научных публикациях последних лет Екатерине Петровне удалось продемонстрировать большие потенциальные возможности мемуаристики, эпистолярных источников (писем дворян, которые после 1917 года выжили и остались в России, адресованных в «Помполит» Е.П. Пешковой; переписки представителей одной семьи, оказавшихся в эмиграции, и «бывших людей» в советском социуме), дневников для изучения социальной психологии дворянства в Советской России: «В письмах отразились индивидуальные качества авторов, их взгляды, жизненный опыт, особенности восприятия событий, поведенческие реакции. Значительная часть бывшего привилегированного сословия с трудом адаптировалась к новым социально-экономическим реалиям, резкому ухудшению материальных условий жизни и изменению социального статуса. Реалии повседневности, содержащиеся в письмах, отражение обстоятельств ареста и хода следствия позволяют сделать вывод, что представители власти опасались любой потенциальной оппозиции. Аннулирование юридического статуса, отчуждение собственности в пользу государства, фактическое лимитирование любых возможностей участия в общественно-политической жизни существенным образом изменили социальный статус представителей дворянского сословия. Однако люди, родившиеся и социализированные при старом режиме, их самосознание и идентичность продолжали жить, что было неприемлемо для власти, являлось повышенным фактором социального риска» [2, с.23]. Казалось бы, простая констатация фактов, что для исследователя является скорее комплиментом: ученый должен восстановить реальный ход событий, постараться изучить его и аргументированно обосновать результат своего исследования. Однако интонации в статьях и монографиях Е.П. Бариновой очень сочувственные, ее симпатии не на стороне дворянства как объекта исследования, а на стороне людей – чудесных, тонких, блестяще образованных, – но проигравших, страдающих, потерянных.

О ком рассказывать?

О том, почему именно русское дворянство стало темой исследований Е.П. Бариновой, она говорит так: «Судьба российского дворянства в XX веке сложилась трагически: революция, Гражданская война, гибель многих и многих из них, изгнание или объявление их "бывшими людьми". Однако они составляли неотъемлемую часть русского народа и искренне любили свою страну». И если в советской историографии дворянство было принято оценивать исключительно как реакционный класс, то в эйфории эпохи «возвращенных имен» появилась новая традиция – приписывать им самые лучшие качества, априори оправдывая даже не самые однозначные события Гражданской войны. Екатерина Петровна полагает, что такая предвзятость не только антинаучна, но и опасна:

«Социальная напряженность может быть снята только примирением со своей историей. Исторический подход и нужен, чтобы понять и принять прошлое и жить для будущего». Тем не менее, в статьях Е.П. Бариновой по-прежнему прорывается человеческое сочувствие к своим «героям»: «Постоянные новости о выселениях, ограблениях, расстрелах, арестах, издевательства со стороны представителей органов власти порождали страх и унижение, стремление убежать, раствориться, исчезнуть и чувство безысходности своего положения» [6, с.51]. Следует отметить, что бытовые подробности, размышления, описания деталей существования, источником которых выступают мемуары, письма, дневники представителей дворянства, позволяют говорить о применении при анализе методов, разработанных в рамках истории повседневности. Основанное на реконструкции исторического опыта и образа жизни, это направление подразумевает исследование индивида не как отдельной личности, но как личности, действующей в системе социальных и культурных норм, всех видов повседневного взаимодействия людей, условий этого взаимодействия, их отражения в сознании. И если каждая отдельная история того или иного представителя дворянства, судьбы целых семей и родов вызывают только чувство несправедливости и горечи, то многолетние исследования этой темы позволили Екатерине Петровне немного жестко, но совершенно справедливо заключить, что *«дворянство упустило свой исторический шанс, не сумело преодолеть кризис, не разглядело момента, когда вопрос об уменьшении привилегий дворянства уступил место вопросам жизни и смерти»*. Романтизированный образ дворянства, который культивировался в ранней постсоветской историографии, обаяние «культуры в изгнании» и грусть о несбывшихся возможностях, к сожалению, не могут повлиять на строго научные выводы – так было суждено всей логикой исторического развития.

Что дальше?

Екатерина Петровна успешно проводит научные исследования по социальной истории, аграрной истории, социологии и психологии образования, принимает активное участие в работе международных, российских и региональных конференций в составе оргкомитетов и как участник. В поле ее научных интересов – история самарского купечества, судьбы дворянских лидеров, история самарского края начала XX века. И вполне закономерно, что сегодня она выступает соавтором многих публикаций вместе с Надеждой Николаевной и Петром Серафимовичем Кабытовым. Это исследования повседневной жизни исторических деятелей, оказавших влияние не только на судьбу Самарской губернии, но и всей России: премьер-министр П.А. Столыпин, самарский помещик и либерал Г.Н. Костромитинов, граф А.А. Бобринский, историк М.М. Богословский, дворяне Шелашниковы, самарский городской голова М.Д. Челышов. . . И, наверное, такие семейные исследования сегодня – это и радость обычная, человеческая, и возможность изучить ту или иную историческую проблему в комплексе. Тем более, что большинство таких исследований можно отнести к локальной истории – так называемой «истории места». В рамках этого научного направления – как и в социальной истории и истории повседневности, – социум и его культура выступают как единая система, а человек действует в условиях конкретного историко-культурного ландшафта.

Ученики Е.П. Бариновой продолжают исследования повседневной жизни различных социальных групп, уделяют особое внимание ценностным ориентирам, ментально-психологическим установкам и множественным идентичностям. «Любой историк любит своих героев. . .», – считает Екатерина Петровна. И, пожалуй, это самое главное, чему она учит своих студентов, магистрантов и аспирантов.

Библиографический список

1. *Баринова Е.П.* Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара: Самарский университет, 2002. 361 с.
2. *Баринова Е.П.* Последние надежды «бывших»: переписка дворян в первые годы советской власти // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т.23. № 2. 2017. С.19-25.
3. *Баринова Е.П.* Провинциальное дворянство в годы Гражданской войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 5. – Электрон. дан. – Самара, 2017. С.230-238. – Режим доступа: <http://sbornik.libsmr.ru/>
4. *Баринова Е.П.* Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара: Самарский университет, 2006. 379 с.
5. *Баринова Е.П.* Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 349 с.
6. *Баринова Е.П.* Советская Россия 1920-х гг. на страницах дворянских воспоминаний // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С.49-55.
7. *Кабытова Е.П.* Кризис русского дворянства. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 143 с.

**«А ЛЮБОВЬ СУПРУЖЕСКУЮ Я ЦЕНИЛ ДОРОЖЕ ВСЕГО В МИРЕ»:
ВОСПОМИНАНИЯ САМАРСКОГО КУПЦА ЕГОРА НИКИТИЧА АННАЕВА**

Статья посвящена воспоминаниям известного самарского купца и общественного деятеля XIX века Егора Никитича Аннаева, излагающим историю его детства, личностного становления и первого брака с Марией Осиповной Зельцер. Воспоминания Е.Н. Аннаева служат ценным источником по истории эмоций и текстов поведения человека XIX в. Особенностью социального поведения Аннаева был комплекс парвеню, стремление подняться над своей социальной средой, при этом его духовный мир определялся романтическими установками, что выделяло Аннаева из среды самарского купечества.

Ключевые слова: Е.Н. Аннаев, купечество, Самара, воспоминания, история эмоций, персональная идентичность, стратегии поведения, романтическая модель поведения.

*Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю...
Русский романс*

реди респектабельного самарского купечества, среди выскочек и нуворишей, среди темных глубин крестьянской затаенности, вытолкнувшей на свет Божий, на самарские хлебные рынки воротил мукомольного и салотопенного производств, среди кичевых персонажей и старообрядческого благолепия – жил-был один. Он написал на склоне своей жизни такие пронзительные, такие душещипательные воспоминания, от которых чувствительные барышни, такие как автор этой статьи, рыдают в кружевные платочки, а интеллектуалы относят данный дискурс к романтической традиции, о которой не ведали и не подозревали прочие самарские Великие, так как самарские – и Великие, и обыкновенные – прагматичны и хищны, также как и их «всегда что-то озабоченно вынюхивающие» носы, воспетые публицистом местной газетки, Иегудиилом Хлаמידой, пролетарским писателем М. Горьким [9, с. 108].

В 1900 г. бывший самарский купец первой гильдии Егор Никитич Аннаев был причислен к мещанскому сословию [23, с.194]. Его дела пошатнулись уже давно – от введения государственной монополии на виноторговлю [23, с.194] или же, как писал другой известный самарский купец и краевед, К.П. Головкин, «от страсти Е.Н. вечно что-либо строить» [12, с.257]. За три года до утраты купеческого статуса, в 1897 г., Аннаев написал свои воспоминания. Ко времени создания мемуаров Егору Никитичу было 71 год, он уже 11 лет был вдовцом – в 1886 г. умерла его вторая жена Екатерина Павловна, родившая ему шестерых детей; дети уже выросли, младшему сыну от второго брака в 1897 г. исполнилось

* © Кобозева З.М., 2022

Кобозева Зоя Михайловна (zoia_kobozeva@mail.ru), доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

24 года [22, с.42]. К этому времени в топонимике города существовали «аннаевские» наименования: аннаевскими назывались дача, кумысолечебница, просека, затон, пески, овраг, гостиница [23, с.170]. Умирает самарский мещанин Е.Н. Аннаев в 1903 г. в возрасте 77 лет. А уже в 1914 г. в самарской газете в некрологе его сына, Владимира Егоровича Аннаева, будет написано: «происходил из знаменитой в свое время семьи» [7, с.3]. В 1920-е гг. аннаевская кумысолечебница, «предоставленная самой себе... стала расхищаться... и была окончательно разобрана и увезена... В 1923 г. от построек и сада не осталось и следа. Бродившие по обрывам козы окончательно сгладили поверхность, не оставив даже побегов акации» [12, с.258]. В городском пространстве

Егор Никитич Аннаев (1826 – 1903)

осталась построенная купцом евангелическо-лютеранская кирха. У современных жителей города она не ассоциируется с Аннаевым, но в 1890 г., в день 25-летия открытия кирхи, немцы преподнесли ему адрес: «Егору Никитичу Аннаеву от навсегда благодарного евангелическо-лютеранского общества г. Самары» [22, с.42]. Сам же Аннаев изначально не предназначал это здание для лютеранской общины: он строил его как римско-католическую церковь, чтобы исполнить данный им обет [26, оп.1, д.31, л.12об]. Но после польского восстания 1863 г. стало невозможным открывать католический храм в Самаре, и Аннаев вынужден был подарить здание евангелическо-лютеранскому совету города.

Личность Е.Н. Аннаева достаточно хорошо известна в профессиональных кругах самарских историков, так как внук купца, композитор и краевед Н.П. Аннаев передал мемуары деда и свои исследования по истории семьи в областной архив, где сформирован личный фонд купца Аннаева [26]. Воспоминания Е.Н. Аннаева охватывают период его жизни с 1826 по 1853 гг.; купцом была написана история первого брака с Марией Осиповной Зельцер с приложением дневников жены, «Записок молодой женщины», а также переписанных его почерком писем М.О. Зельцер.

М.Л. Абрамсон в статье «Четыре истории, рассказанные флорентийскими купцами о самих себе» пишет: «Саморефлексия выделяет Морелли из массы людей, с которыми его роднит основная – прагматично-купеческая – сторона менталитета. Эти стороны настолько плохо согласуются между собой, что можно говорить об их противоборстве. Именно в результате такого противостояния и рождается личность» [1, с.303]. Это справедливо и в отношении Е.Н. Аннаева. Среди самарского купечества нет больше ни одного человека, который бы оставил такую эмоциональную летопись своей жизни, причем не только вербальную, отраженную в написанных им воспоминаниях, но и визуальную. Дело в том, что в личном фонде Аннаева хранится альбом фотографий «великих», с его точки зрения, людей, многочисленные фотографии тех архитектурных комплексов, которые он создавал, воплощая в них не представительский знак, а свой эстетический идеал, и картины, написанные его сыном, непрофессиональным художником.

Семейные фотографии, тщательно подписанные, оставляют только одно «белое пятно»: среди них нет фотографии женщины, чьи письма Аннаев тщательно переписывал в 71 год, добавляя между строк свои комментарии, как будто бы продолжая вести с ней страстный диалог, нет фотографии той, которая, ведя свои собственные дневниковые записи, обрывает их на сюжете о том, как она, юная и эмоциональная, дожидается парохода до Нижнего Новгорода: «... не знаю, как мы отсюда поплывем. Мы ждем

парохода, но его нет еще и никто не знает наверное когда он будет» [26, оп.1, д.29, л. 86]. От этого первого брака у Аннаева родился глухонемой ребенок, сын Эдуард. До 9 лет он жил в доме отца, потом его отправляют в специальную школу для глухонемых детей в Москве, где он умирает в возрасте 16 лет. О Марии Зельцер, первой жене Аннаева, после 1856 г. нет никаких сведений (он женился на ней в 1855 г.). В 1865 г. Аннаев женится вторым браком на дочери нижегородского помещика Е.П. Бабкиной, православной, о которой он не пишет в своих воспоминаниях, хотя именно Екатерина Павловна родила ему шестерых благополучных детей, записанных в православие.

Эмоциональный стиль воспоминаний Е.Н. Аннаева достоин того, чтобы они были опубликованы как художественное произведение. Однако общая инерция развития исторической науки привела к тому, что об Аннаеве написана практически одна биографическая статья, вошедшая в сборник «Самарское купечество». Причем о той женщине, любовь или нелюбовь которой продолжала мучить его в старости, страстная переписка с которой хранится в его фонде и которой посвящен интереснейший для анализа сюжет в воспоминаниях – написано в этой статье лишь несколько строк и поставлен «диагноз»: «в первые же месяцы замужества обнаружился неуравновешенный капризный характер и психическое нездоровье Марии Осиповны. . . Природа неровных отношений в семье отчасти становится понятной, если прочесть строки записок Марии Аннаевой... В них помимо фактического содержания обращает на себя внимание обилие восклицательных знаков. . . Если при этом вспомнить недавнее ее увлечение каким-то грузинским князем. . . , то можно представить себе, что шансов на счастливое супружество было немного» [23, с.189]. Забегая вперед, хочется заметить, что о грузинском князе Мария сообщала Аннаеву в состоянии нервного возбуждения, наступившего после замужества, в контексте других эпизодов, которые рисовало ее воображение или которые она придумывала сознательно.

Некая «табуированность» тем, связанных с эмоциональной жизнью людей прошлого, в исторической науке, и, в частности, невостробованность в этом отношении личного фонда Аннаева, в определенной степени напоминает историографическую ситуацию, описанную А.И. Куприяновым в отношении дневников московского купца П.В. Медведева. Так называемые «интимные источники» в основном создавались дворянским сословием. А.И. Куприянов пишет: «Тем ценнее для нас дневники П.В. Медведева – человека из иной социальной среды. “Рожденный в крестьянском быту”, московский мещанин, вышедший в московские купцы 3-й гильдии, он оставил интереснейшие дневники за 1854-1863 гг. “Памятная книга”, судя по записям в листе использования документа, хорошо известна историкам. Была она и предметом источниковедческого анализа, проведенного А.А. Преображенским. Однако информация, изредка извлекаемая из этого источника, использовалась лишь для исторических штудий по социально-политическим вопросам. Богатейшие данные, характеризующие его религиозно-нравственные переживания и всю сферу частной жизни, остались невостробованными» [13, с.88].

Для понимания императивов, определяющих действия провинциального купца в частной жизни, безусловно, следует исходить из того, что эта частная жизнь была «инкорпорирована в гражданское общество, его социально-политический и экономический строй» [3, с.8]. С другой стороны, не менее важный аспект – человеческая субъективность, ее эмоциональный склад и характерологические особенности [3, с.9]. Исходя из этого, задачей моего исследования является изучение содержания эмоциональных переживаний провинциала середины XIX в., принадлежащего к купеческому сословию, исповедовавшего католическую веру, проживавшего в Самаре и описавшего свою любовь в воспоминаниях. Солидаризируясь с этой позицией, мне видится

возможным рассмотрение истории любви Аннаева в качестве индивидуального переживания человека определенной эпохи, со свойственной только ему внутренней смутой, с пережитыми только им восторгами и разочарованиями, осмысленными и закрепленными в воспоминаниях.

М.Л. Гаспаров настаивает на необходимости «формализовать понятие индивидуальности», подразумевая в числе прочего, что «следует различать “исключительное явление”, наиболее полно выражающее характерные признаки своей эпохи и способное выступать “полномочными представителями” в истории культуры... и “исключительное явление”, наоборот, выпадающее из своей эпохи, – в таком случае оно обычно бывает или атавизмом предыдущей эпохи, или мутацией, предвещающей последующую эпоху» [8, с.21]. На мой взгляд, являясь и тем и другим, любовь в контексте исторического времени выступает еще и «мировоззренческой и деятельностной ориентацией на абсолютное – конкретное его “оживание” путем любовного бытия» [18, с.6]. В этой связи анализ исторического казуса выходит сразу на несколько уровней интерпретации: рассмотрение купеческой любви в контексте ее соответствия сословной матримониальной культуре, провинциальной среде, религиозному этосу, и, наконец, в качестве возможного, но не рассматриваемого в рамках данной статьи, сопоставления с литературными образами и текстами поведения.

Как отмечает А.Б. Каменский, частная и семейная жизнь людей прошлого в качестве серьезной научной проблемы давно завоевала права гражданства в исторической науке, но подавляющее большинство этих исследований посвящены европейскому Средневековью [11, с.271]. Работы же, основанные на русском материале, представлены преимущественно трудами Н.Л. Пушкаревой. Ее же перу принадлежат труды по изучению сексуальной сферы [16; 17]. Сексуальное поведение, сексуальные переживания человека середины XIX в., ограниченные «традиционными регуляторами обыденного существования – религия, мораль, право» [27, с.47], усугубленные «психологичностью», «ввинченностью мысли в душу человеческую» [20, с.80], требуют от исследователя в определенной степени навыков патогенетического исследования личности (т.е. исследования ее в пространстве психопатологии) [2, с.47]. Однако ряд исследователей, в частности, И.Л. Беленький, считают, что «никакое исследование творчества и деятельности по материалам патогенетического исследования личности... не может иметь объяснительной силы... это важно и в этическом (плане): этические презумпции персоналогического и биографического слова запрещают подобные эвристики» [2, с.47].

В стратегии интерпретации источника сложнее всего определиться в отношении двух платформ персональной истории: «социальной» и «экзистенциальной» [19, с.12]. Биографию Аннаева интересно изучать и в контексте более широких вопросов изучения городской повседневности через личность горожанина, и в экзистенциальном плане, «подчеркивая “автономию и самоценность исторической личности”», ставя «в центр внимания изучение ее психологических характеристик и сознательно ограничивая “несоциальными” видами биографизма» [19, с.13]. В случае с Аннаевым характер источников позволяет глубоко заглянуть в его внутренний мир. Но встает другая исследовательская проблема: как анализировать «чужую одушевленность» [21, с.23]? Приходится, вслед за М.Ф. Румянцевой, признать принцип, сформулированный А.С. Лаппо-Данилевским: «исследователь может лишь гипотетически конструировать “чужое Я” по внешним обнаружениям его духовной жизни, по объективированным результатам его психической деятельности. При этом исследователь исходит из собственной индивидуальности, из собственного исследовательского и жизненного опыта и использует для воспроизведения в себе “чужого я” переживание, ассоциирование и заключение по аналогии» [21, с.30].

Основной период активной общественной деятельности Аннаева в границах самарского пространства приходится на вторую половину XIX века; его воспоминания начинаются с детства, с 1826 г. Его сословное происхождение точно не известно, в воспоминаниях сказано, что дед Аннаева был немец, соляной пристав из Астрахани. Не имеющий образования сирота поднимается по иерархической лестнице до купца первой гильдии, а в конце жизни оказывается в мещанстве. Т. Венедиктова, раскрывая «секрет срединного мира» эпохи реализма, отмечает факт появления на культурной сцене человека «среднего класса»; этот класс, «вбирая как амбициозный низ, так и склонный к компромиссу верх общества... отличается от прежних сословий тем, что в него можно пробиться, но из него можно и выпасть (между тем как аристократом или земледельцем человек, за редкими исключениями, рождался и умирал). В новом, пост-традиционном типе общества именно середина выступает средоточием динамики. Единица среднего класса – “self made man”, человек-самоделка, человек-высочка, чей девиз – “Преуспеть, пробиться!” (“Parvenir!” – в духе бальзаковского Растиньяка). Никто, ничей, ниоткуда, – он определяет себя не через принадлежность к общине или культурной традиции (чему-то большему, глубже укорененному исторически, чем он сам), но исключительно через индивидуальную деятельность и ее результаты» [6, с.195].

Но если особенностью социального поведения Аннаева был комплекс парвеню, роднящий его с героями реализма, то его духовный мир определялся романтической установкой на идеал. «“Романтизм” – термин, обозначающий не столько исторический период или конкретное художественное течение, сколько совокупность характеров, подходов и чувств, своеобразие которых заключается в их специфической природе» [10, с.299]. Красота романтической любви – «это Красота трагическая, перед которой герой безоружен и беззащитен» [10, с.304], «романтический человек переживает собственную жизнь как роман, находясь во власти чувств, противиться которым он не в силах» [10, с.314].

Одно событие оказало на Аннаева мощное определяющее воздействие. К сожалению, чтобы выделить данный сюжет, приходится нарушить хронологию судьбы нашего героя и обратиться к периоду, когда вышедшая замуж за купца из Симбирска старшая сестра взяла мальчика-сироту к себе. Так как ее муж был намного старше, «сестра считала его скорее своим отцом, а не мужем» [26, оп.1, д.29, л.5об], она боялась поселить своего брата в доме и отправила «в подвал под наблюдение прикащика полуграмотного Мирона» (везде сохранена орфография источника) [26, оп.1, д.29, л.5об]. Однако выпросила у мужа разрешение, чтобы брат приходил в дом на час для занятий с ней, чтобы выучить его грамоте. Но эти занятия длились недолго, и, как пишет Е.Н. Аннаев, он «с помощью Мирона выучился кое-как по складам читать, вот и все мое образование» [26, оп.1, д.29, л.6]. В 1840 г. приехала в Симбирск погостить другая старшая сестра. «Раз как-то случайно незамечая моего присутствия за дверью, они беседовали между собой... и между прочим выразили сердечное сожаление что между ими четырьмя сестрами только один брат и тот дурак» [26, оп.1, д.29, л.6об]. Такой отзыв произвел на Егора сильнейшее впечатление, причем он не был оскорблен: «я понял их глубокую скорбь обо мне и что они не в силах помочь мне! До этой минуты я никогда не думал о себе, не наблюдал за собой, тут я как бы очнулся... и убеждался, что да действительно я “дурак”, нужно собой заняться» [26, оп.1, д.29, л.6об]. В 71 год Аннаев пишет: «Отзыв сестер моих принес мне неоцененную пользу во всю мою жизнь» [26, оп.1, д.29, л.6об]. Егор стал читать Азбуку, причем больше всего в ней «любил картины», «с них я начал срисовывать карандашом» [26, оп.1, д.29, л.6об].

Муж сестры, И.И. Макке, был преуспевающим купцом; он открыл в 1817 г. один из лучших в Симбирске магазинов бакалейных и колониальных товаров, место, где стоял

его дом, называли Маккиной горой, от нее шел Маккин спуск [22, с.8]. Однажды у Макке появилась идея пригласить живописца, чтобы написать на стене каретника в саду напротив дома «декорационную картину», на которой была бы изображена колоннада. Если тексты поведения Егора Аннаева во многом отражают модель романтического направления, то в случае Макке прочитывается апелляция ко вкусам стиля бидермайер, который можно определить как «романтизм, никогда не отрывающийся от земли. . . Господин Бидермайер грезит о жизни в старинном замке, и поэтому комнатки его городской квартиры расположены анфиладой. . . он умеет считать деньги и потому хочет, чтобы все обошлось подешевле» [24, с.198]...

Под впечатлением работ живописца Егор начинает сам пробовать писать картины, но, как он пишет в своих воспоминаниях, все они сгорели в пожаре Симбирска в 1864 г. Страсть к пению появилась у него в результате знакомства с приезжими итальянцами. Душа разрывалась от эстетической невыраженности, но выразить ее он не мог, поскольку, как он сам писал о себе, «мне было 20 лет, но умственное развитие было в упорном застое, хотя я следил за собой» [26, оп.1, д.29, л.7об]. Под выражением «следил за собой» понималось то, что Аннаев тщательно прислушивался к тому, за что его ругают или хвалят окружающие, и старался развивать те черты, которые вызывали положительную реакцию, «строго придерживался ко всему хорошему. . . но что я мог слушать полезного в этом обществе в котором я находился?.. Одни только глумления и пошлые остроты. . . » [26, оп.1, д.29, л.7об]. Единственным приятным для него человеком был надзиратель классической гимназии И.А. Безногов. Однажды Егор обратился к нему за советом, где бы купить книгу. Безногов поинтересовался, «что именно я желаю извлечь из этой книги?» [26, оп.1, д.29, л.7об]. Егор ответил, что он очень плохо говорит, и хотел бы научиться так же красиво излагать свои мысли, как и Безногов. «Он был тронут моим желанием, поцеловал меня и сказал милый друг мой для того чтобы говорить хорошо надо прочитать несколько возов книг!» [26, оп.1, д.29, л.7об]. После этого Егор дал себе слово прочитать «несколько возов» книг, «а есть ли неисполню этого то я буду Анафима проклят» [26, оп.1, д.29, л.8].

Первое произведение, которое решил прочитать Егор, был исторический роман о крестовых походах «Мелик Адель и Матильда». Выбор пал на него, так как когда сестра Екатерина читала этот роман, то плакала. Чтение заняло два месяца. Вначале Егор «решительно ничего не понимал», «скука смертная», «одолевает сон». Чтобы «пробуждать себя», он всегда держал около себя жимолостную трость, которой «бичевал себя довольно чувствительно». После бичевания Егор продолжал читать далее, «незаботясь о том, чтобы понимать что-нибудь, а лишь бы продолжать процесс чтения из страха не быть проклятым» [26, оп.1, д.29, л.8]. Вторую часть он уже читал свободнее, «даже стала вязаться мысль», третья книга заинтересовала, «к концу где приходилось плакать я жалел что скоро кончу» [26, оп.1, д.29, л.8].

Первый опыт чтения исторических романов привил Аннаеву страсть к изучению жизни великих личностей, чьи портреты, собранные им и подписанные, хранятся в его личном архивном фонде и, как мне кажется, могут послужить источниковой базой по изучению проблемы исторической памяти горожан середины XIX в., особенно заметки Аннаева в отношении Наполеона. К 1848 г., пишет Аннаев, он не прочитал еще «воза книг», так как вынужден был постоянно отвлекаться на различные хозяйственные дела, связанные с другой стороной его личности, с необходимостью подняться над статусом приживала и занять достойное место в жизни.

Таким образом, данная точка бифуркации в жизни Аннаева определяет его модель поведения, сознательно им выстраиваемую и закрепленную в старости

автобиографическим текстом как романтическую, со свойственной ей «литературностью», «увеличением роли жестов в бытовом поведении», и «осознанием себя как исторического лица» [14, с.337-338]. Данное осознание подчеркивается ролью автобиографических воспоминаний, когда «в оценку собственной реальной жизни» вмешивается «взгляд со стороны – с точки зрения потомства. Потомок – зритель и судья того, что великие люди разыгрывают на арене истории» [14, с.338]. Воспоминания Аннаева предстают как «коммуникация между социумом и индивидом» [25, с.12], индивидом и Богом, индивидом и судьбой. Семиотические наблюдения о том, как культурно-историческая эпоха формирует тексты поведения, является объяснительной моделью многих стратегий повседневного поведения, описанных Аннаевым, с которыми связано его конструирование персональной идентичности. Но данный подход не является исчерпывающим. В основе социального взаимодействия личности с окружающим ее пространством лежат и законы социальной интеракции, провоцирующие акторов (а в данном случае – Егора Аннаева) становиться действующими лицами истории, хотя их роль не главная, и они «не могут быть формально причислены к выдающимся историческим деятелям» [19, с.8].

Егор Аннаев родился в Астрахани 11 апреля 1826 г. Дед его был немец, русский подданный Христофор Фабрициус, соляной пристав. Бабушка – полька. Мать, Мария Христофоровна, была выдана замуж за армянина католического вероисповедания Никиту Ивановича Аннаева. Следует отметить, что Астрахань в XIX в. была самым полиэтничным городом в Поволжье. Армянская община города была довольно многочисленна, при этом Астрахань была центром Армяно-грегорианской церкви. Кроме того, в городе проживало много католиков и протестантов, выходцев из различных земель Германии [15, с.200]. Мать Аннаева умерла вскоре после его рождения, отец умер от холеры в 1830 г. Пять детей, «4 девочки (Елизавета, 12 лет, Екатерина, 10, Любовь, 8, Анна, 6, и мужчина моложе их всех», остались на попечении деда, который «кое-как нас продовольствовал» [26, оп.1, д.29, л.1]. Но в 1833 г. умирает и дед: «Я помню на похоронах на гробовой крышке была прикреплена треуголка» с пряжкой, «полученной за беспорочную 35-летнюю службу» [26, оп.1, д.29, л.1]. Старшая сестра Елизавета вышла замуж за бедного колониста, мастерового Ольденбурга, сестру Екатерину взяла к себе в Москву ее крестная мать, Мария Андреевна Сабонжогло, Любовь и Анну взяли «добрые люди». В 1835 г. Елизавета с мужем решили переселиться в Саратов и взяли с собой двух младших сестер. Егор, которому было 9 лет, остался в Астрахани один.

В старости Егор Никитич отчетливо помнил этот день, когда он остался совершенно одинок и начались годы его страданий «в чужих людях», дальних родственниках, которым он был отдан обучаться портняжному мастерству. Все имущество сестры было сложено на дощаник, мальчика оставили на какое-то время с Анной караулить пожитки. Дети разыгрались, и Егор нечаянно ушиб Анну, она пригрозила пожаловаться сестре, но тут же сама разбила одно яйцо, тогда Егор в свою очередь пригрозил, что пожалуется, и дети помирились [26, оп.1, д.29, л.1об]. Мне кажется очень важным описание этой сцены, оно в определенной степени подчеркивает пронзительное одиночество, которое наступает для Егора далее: «было уже за полдень, когда Елизавета с мужем... привезли последние пожитки и уложили их на дощаник, затем поставили самовар, на закате солнца попил я прощальный чай с тремя сестрами и затем они все поплыли в Саратов, а я один остался в Астрахани, с невыразимой грустью побрел я к своим хозяевам, было уже почти темно, а идти с Волги довольно далеко, не мало я путал пока с трудом отыскал свое жительство, где суждено было мне два года перенести тяжких истязаний и различных пыток...» [26, оп.1, д.29, л.2].

В 1837 г. жителей Астрахани поразил, как они говорили, некий «английский лорд», разъезжающий по городу в карете. На самом деле это был итальянец Мессера, которого отправил в Астрахань, по просьбе своей жены Екатерины, симбирский купец И.И. Макке на поиски ее брата Егора. С помощью католического священника Егора нашли и отправили в Симбирск вместе с Осипом Ивановичем Айвазовым. «Я начал оживать проблеск надежды на лучшую жизнь стал меня утешать, что Господь послал мне Ангела-покровителя в лице моей сестры Екатерины» [26, оп.1, д.29, л.2об].

Впечатления мальчика от путешествия с армянскими купцами вверх по Волге на татарских арбах, описанные в воспоминаниях Аннаева, заслуживают отдельного самостоятельного исследования. Все свидетельствует о необыкновенно поэтичной натуре этого человека, лишней раз доказывая, что при написании биографических исследований, помимо анализа влияния на личность исторических героев «социально-исторической памяти, запечатленной в культуре» [19, с.13], очень важен экзистенциальный подход, подчеркивающий автономию личностно-психологического аспекта [19, с.13]. Аннаев пишет: «С жадностью я обозревал необъятное пространство степей, горизонт, где как будто небо опирается в землю. Мне казалось, что вот-вот мы доедем до этого края земли и упремся в небесный свод» [26, оп.1, д.29, л.3]. Трудно удержаться от соблазна описать впечатления Аннаева от привалов, от общения с немцами-колонистами и т.д. От Астрахани до Саратова, как вспоминал он, ехали 22 дня, «путешествие это оставило во мне самое приятное воспоминание, это было ежедневной волшебной парти де плизир» (с франц. *partie de plaisir* – увеселительная прогулка. – Прим. ред.) [26, оп.1, д.29, л.4]. Из Саратова уже на русских извозчиках поехали в Нижний Новгород. Если татары останавливались на привал в степи, то русские извозчики – в деревнях. Если с татарами ели плов, мясо, приготовленное на костре, то с русскими – «щи да каша, с приправою мух и тараканов», «... в избах мухи да тараканы. На дворе навоз свиньи да бараны, и грязные сопливые мальчишки, я всегда старался избегать их где было возможно уходил в поле... деревенские мальчишки толпами отправлялись за мной брали в обе руки углы своих кафтанов приставляли их к своим ушам с шумом кривлялись предо мной... что мне казалось странным. Я их не трогал и очень боялся» [26, оп.1, д.29, л.4об]. В Нижнем Новгороде Егора показали Макке, мальчик купцу не понравился, и его отправили в Симбирск на судне Ситникова, причем столоваться Егор должен был с бурлаками.

В Симбирске Егора поселили в «молодцовской» комнате вместе с приказчиком Мироном и приспособили прислуживать в винном подвале. Обедал Егор вместе с кучером и дворником. Егор понимал, что единственный для него путь выбиться в люди – это понравиться Макке. Для этого он выстроил в саду оранжерею с двумя террасами, которая очень понравилась Макке, написал семейный портрет. В 1848 г. неожиданно после недолгой болезни умирает Екатерина, и, как пишет Аннаев, «мое счастье, казалось, было зарыто с ней в могилу». Макке всегда держал Егора на определенном расстоянии, и в ситуации после смерти Екатерины положение юноши было особенно неопределенно. Но тут приходит сообщение из Самары о смерти от холеры тамошнего приказчика Климентия Фроловича, прослужившего у Макке 16 лет. Решили отправить в Самару Мирона, но тот отказался из-за страха перед эпидемией холеры, бушевавшей в Самаре. Тогда вызвался поехать Егор. Макке ничего не оставалось, как отпустить его.

С этого момента начинается своего рода карьерный рост Е.Н. Аннаева. Прибыв в Самару, Аннаев должен был сделать опись имущества и товара, завести учетные книги. Удивительный факт, но к Егору стали приходиться горожане, бравшие у Климентия деньги в долг без расписки, – было возвращено около четырех тысяч серебром. В старости об этом эпизоде Аннаев напишет: «Да, это было счастливое время: дела велись

патриархально, и люди имели больше совести. Но начинался поворот к цивилизации» [26, оп.1, д.29]. В 1849 г. Макке женился вновь, в 1850 г. Аннаев становится приказчиком Макке в Самаре. Применительно к этому периоду времени в воспоминаниях Аннаева описан один из страшных самарских пожаров, когда из-за суховеев выгорел практически весь город, а люди, гонимые огненной стихией, спасались в реке. Аннаев не только контролировал торговлю Макке в Самаре, но и занимался строительством его дома, где 1 января 1851 г. было торжественно объявлено об учреждении Самарской губернии. В 1851 г. Макке передает свою самарскую торговлю Аннаеву. В 1852 г. Аннаев становится самарским купцом. На следующий год он открывает собственную торговлю, в 1854 г. начинает строить дом на Алексеевской площади в Самаре и надумывает жениться.

«Когда обдумал я жениться единственное желание мое было съискать себе в подруги моей жизни женщину кроткою с образованием и одной со мной религией благочестивою католичку дабы царствовала в моей семейной жизни тишина согласие и благодать Божия» [26, оп.1, д.29, л.28], «я далек был от корыстолюбивых расчетов... искал себе бедную девицу для того, чтобы осчастливит ея имея ввиду, взаимно за сие получить от ея любовь... а любовь супружескую я ценил дороже всего в мире» [26, оп.1, д.29, л.28]. Анализу полового поведения, которое, по мнению Ю.Э. Бессмерного, оставалось в «центре эмоциональной жизни, выступало "как предмет напряженнейшей рефлексии"» [4, с.574], в своем исследовании я не отвожу должного места, может быть, отчасти ведомая общим колером источника, отчасти солидаризируясь с Т.В. Бреус, которая в диссертационном исследовании «Любовь как вид бытия» исходит из того, что «в личной, семейной жизни для человека важнее всего взаимоотношения, связанные с ценностями духовного порядка» [5, с.6]. «Начертав себе такие правила в отыскании друга я собрался ехать в Москву...» [26, оп.1, д.29, л.28]. 24 декабря 1854 г. Е.Н. Аннаев «помчался на тройке удалой» за своей избранницей. Невесту подыскала М.А. Сабонжогло, обрисовав заочно ее как «миленькою девицу хорошо воспитанною, тихую, скромною, хорошего семейства и одной со мной [Е. Н. Аннаевым] религией» [26, оп.1, д.29, л.28об].

Спустя 40 лет после описываемых событий Аннаев будет искать дурные предзнаменования, которые должны бы были повлиять на него: когда он только в первый раз выехал из дома за невестой, его «разбили лошади», так что он «каким-то чудом спасся», а экипаж «привезен был весь разбит», «этот случай заставил меня призадуматься какая же грустная мысль меня удерживала оставить мое намерение». Тем не менее Аннаев все же уезжает в Москву. Во время первого визита к невесте жениху не понравилась ее мать: «видал ее мать которая мне вовсе что-то не понравилась, не видав еще невесты не хотел входить в родство с сим семейством но Мария Андреевна призвала их к себе где я увидал в первой мою Марию» [26, оп.1, д.29, л.28об-29]. «Она мне очень понравилась наружностью и скромностью, а не развязанности ея, я приписывал ея ропкости...» [26, оп.1, д.29, л.29]. Невеста была холодна и не обратила на провинциала никакого внимания. Но Аннаев, твердо вознамерившийся жениться, подумал, что «когда привыкнем к друг другу всегда найдется полюбезничать» [26, оп.1, д.29, л.29]. После этого он начинает часто посещать семью М.О. Зельцер, делать подарки. Мария же принимала их с «хладнокровностью и равнодушием». Аннаев приписывал подобную холодность «ея неразвязанности», хотя и казалось ему это несколько странным.

6 февраля 1855 г. состоялся «брачный союз». С этого момента Мария выходит из состояния сдержанного равнодушия и впадает в перманентную истерию. «Мне передали она ужасно плакала в то время как ей ехать в церковь и отец ея всячески уговаривал» [26, оп.1, д.29, л.29об]. Как отмечает в своих исследованиях Н.Л. Пушкарева, «девочек и

юных девушек, выдававшихся замуж, держали в неведении обо всем, что касалось чувственности. Неудивительно, что неопытность, усугубленная незнанием и ханжеством, часто оборачивалась тяжелейшими психологическими ломками» [16, с.94]. С другой стороны, можно предположить, что Марии просто не понравился провинциальный купец, но так как ее семья, не имея приданого за дочерью, рада была и этой партии, Марии пришлось подчиниться воле родителей: «...В особенности мне очень понравилось, что он был такой тихий и скромный молодой человек! Но я сожалела, он вовсе не образован! И не умеет как должно говорить по русски! А другие языки! вовсе не знает! Ни на немецком, ни на французском ни одного слова! И не умеет танцевать! кроме одной кадрили. Я видела в нем богатого мужика и больше ничего! Но я была рада, что он имеет доброе сердце, потому что берет бедную девушку без всякого приданного...» [26, оп.1, д.29, л.61об]. Е.Н. Аннаев вспоминает: «Я ее встретил в церкви улыбающийся как бы восторженною, окружающим ее блеском и пением певчих и во все время свершение сего таинства венчания она улыбалась так что после священник сказал ей что он желал бы чтобы она всегда так улыбалась в своей супружеской жизни как теперь перед алтарем Божиим и во всей этот вечер она была так весела так мила что я любовался и утешался ее любезностию и считал себя счастливым в свете» [26, оп.1, д.29, л.29]. Когда проводили всех гостей, молодые пошли в спальню. Они встали на колени помолиться Богу, но вдруг Мария вскочила и бросилась на постель. Егор Никитич подбежал к ней, положил руку на грудь, «в эту минуту сердце ее так билось что как будто шар с лебединое яйцо метался под ее кожей и хотел вырваться из ее левого боку» [26, оп.1, д.29, л.29об]. Мария попросила стакан воды. Он подал ей его и спросил: «Что с тобой, мой Ангел?» [26, оп.1, д.29, л.30]. В этом месте впервые в воспоминаниях появляется подобное обращение к жене и сохраняется в различных интерпретациях до конца записей.

Чем ближе был день отъезда из Москвы, тем грустнее становилась Мария. Она просила мужа взять в Самару с собой сестру, но Аннаев не позволил. «Я часто заставлял ее в слезах: на вопрос мой от чего она так грустит она отвечала мне что она некаменная что расстается с родителями на всю жизнь так как же ей не плакать». В день отъезда, 19 февраля, Мария «была совершенно без памяти некого не узнавала и говорила без всякой мысли и без связи» [26, оп.1, д.29, л.30об]. Отец и мать, провожавшие молодых, предупредили, чтобы Аннаев был с Марией «поосторожнее ибо она слаба нервами» [26, оп.1, д.29, л.30об]. Так впервые в контекст данного источника входит тема нервного расстройства Марии Зельцер, подтвержденного впоследствии диагнозом врача: «истерия». Но следует ли рассматривать «истирию» как психическое отклонение – один из главных вопросов данного исследования, на который в дальнейшем я постараюсь ответить. Отец с трудом посадил дочь в возок, захлопнул двери и сказал ямщику, чтобы тот трогался. Аннаев пишет: «Я не успел даже совсем проститься как тройка удалая помчала нас. Ночь была светлая скрип саней по ледяному снегу наводил еще больше тоску!». В других местах воспоминаний, в переписке его с Марией встречаются отрывки из романсов («И скучно, и грустно...»), что лишний раз подтверждает особый склад души провинциального купца, склонной к романтическому восприятию любовных переживаний.

Дорога из Москвы в Самару через Симбирск длилась почти два месяца, прибыли молодые только 14 апреля. Путь домой делится на два этапа: сначала до Симбирска, а затем пребывание в Симбирске в доме И. Макке в ожидании ледохода на Волге и возможности перебраться на левый берег реки. «Мария моя лежала без памяти я оправил ее покрывалом хорошенько старался чем нибудь ее развлечь но не получал никакого ответа», – описывал Аннаев начало пути. Причем, размышляя о происходящем, он сочувствовал своей жене («оставление колыбели ее Москвы! Расставание с родными!

Неизвестность будущего!») и принял решение относиться к ней по-отечески, как к ребенку. Доехав до Нижнего Новгорода, Аннаев пригласил к Марии доктора, тот дал ей «микстуру вроде миндального молока» [26, оп.1, д.29, л.31]. Купец хотел остаться в Новгороде, чтобы жена пришла в чувство, но Мария решила ехать скорее дальше. И с этого момента в замкнутом пространстве их кибитки Мария начала рассказывать мужу удивительные вещи, которые могли бы вогнать в душевную сумятицу любого, но не каждый смог бы проникнуться ее душевным смятением и воспринимать все так смиренно и заботливо, как Е.Н. Аннаев.

Вначале Мария сообщила ему, что в Нижнем, когда Аннаев оставил ее одну в гостиничном номере, она прилегла на диван, «не спала, не смыкала глаз а видела Ангела с белокурыми кудрями с белой Лилию в руках который все над ней летал и хотел ее поцеловать и она ему все не давалась он вдруг разлетелся и поцеловал ее так что она вскрикнула но для нее это так было приятно и она в эту минуту чувствовала в себе необъятную радость и тем разъясняла мне что она в эту минуту почувствовала свою беременность!» [26, оп.1, д.29, л.31]. Рассказывая мужу, Мария часто прятала лицо в воротник салопы, «делала странные гримасы которые впрочем обозначали ее удовольствие», после чего сообщила, что Ангел снова здесь и хочет ее поцеловать. Аннаев пишет: «я только удивлялся ее видению и не достигал что с ней делается!» [26, оп.1, д.29, л.31об]. Дальше становилось хуже: Мария «пришла в изнеможение» и стала «ужасно жаловаться, что младенец очень больно сосет ее сердце». Дорога была плохая, с ухабами. Мария боялась потерять ребенка и говорила, что «он ручками держится за ее сердце». С этого момента и до конца воспоминаний о первом браке между супругами начинает муссироваться вопрос: «Любишь ли ты меня?» Первой его поднимает в дороге Мария. Затем он до бесконечности повторяется в их переписке. На одном из ухабов дороги «моя Мари взвизгнула и минут пять была без памяти когда она пришла в себя несколько, я спросил что с тобой мой Ангел она приподнялась и сказала Ах! Как я себя теперь легко чувствую теперь не сосет мне сердце Я слышала когда мы упали в ухабу у меня от сердца что то оторвалось и так быстро опустилось на низ желудка! Теперь я совершенно здорова!» [26, оп.1, д.29, л.32]. Далее некоторую часть пути Мария была весела и разговорчива. Потом вдруг залилась слезами по поводу того, что потеряла ребенка: «Я потеряла ребенка моего херувимчика. Теперь уже не летает ангел надо мной». Доехав до Талызинской станции, они остановились попить чаю, и Мария снова была «весела, здорова, покойна». «Проскочив во всю мочь» «по дурной дороге 120 верст», Мария вновь объявила, что сердце у нее сосет и ангел белокурый опять летает над ней.

Так длилось до самого Симбирска, куда молодые прибыли 26 февраля. Их встретило семейство Макке. Мария вела себя хорошо: спустилась пить со всеми чай, поднявшись к себе наверх, начала стирать пыль. Аннаев был в восторге: «Я целовал ее ручки и благодарил за такую аккуратность» [26, оп.1, д.29, л.33]. Мария сказала, что ей необходимо отдохнуть, и он спустился вниз. Аннаев отсутствовал час. Когда же он поднялся наверх к своей жене, увидел, что «она сидит на кровати с поджатыми под себя ногами в руках французский молитвенник в котором она все загибала листы лицо ее было искажено. Глаза пусты и устремлены неподвижно в стену, она очень часто лепетала языком но нельзя было ничего понять; она ломала себе руки коверкала пальцы изредка можно было слышать из ее шепота слова Господи! Господи!» [26, оп.1, д.29, л.34]. Аннаев долго стоял возле нее, взял за руки, спросил: «Что с тобой, мой дружок?», и с трудом получил ответ, что Мария скучает по папеньке и хочет ехать к нему. Дальше ее бред стал бессвязным. Аннаев вынужден был сообщить о нездоровье жены Макке и вызвать доктора Мозалевского и бабку. С доктором Мария вынуждена была разговаривать, он показался ей грубым. Доктор

выписал ей успокоительные капли и поставил диагноз: истерия. Приглашенная бабка заявила, что Мария беременна, во время дороги произошло опущение матки, так как она не была «взбинтована», «поправила» Марии живот. Бабкин диагноз о беременности оказался неверным, так как «через два дня оказались у нее регулы», но и после этого бабка уверяла, что Мария беременна и 2 недели ходила и «правила живот» [26, оп.1, д.29, л.34].

В воспоминаниях сам Егор Никитич также ставит диагноз своей жене: «а больна она была истерической хандрой», «столько переговорила странностей нельзя описать...»: видела Бога на небесах, ад и рай, ангела с золотой корзиной, в которой были французские цветы и младенец, которого она потеряла. Когда окружающим стало казаться, что Мария выздоровела, она, увидев портрет князя Орбелиани, схватила его, начала целовать, прижимать к телу и поведала мужу историю о том, что 5 лет назад на балу у генерала Ермолова познакомилась с князем. Они много танцевали. Князь полюбил ее, предложил руку и сердце. Папенька и маменька были счастливы. Шли приготовления к свадьбе. Но на исповеди она сказала священнику, что собирается замуж за грузина. Священник не дал разрешения на этот брак. Мария вынуждена была отказать грузинскому князю. От горя тот упал в обморок, а потом принял решение искать смерти на войне [26, оп.1, д.29, л.35об-36]. Аннаев отреагировал на этот рассказ следующим образом: «Но я понимал, что это чистая ложь и хитрая выдумка может быть даже с дурным намерением», причем он не видит уже в поведении жены никакого нервного расстройства, отмечая, что «она была ужасно капризного характера никогда не согласовалась с моим мнением и постоянно противилась моим желаниям» [26, оп.1, д.29, л.36об]. Но ничего не изменилось в поведении Аннаева по отношению к жене: «Я всегда с обычной лаской старался удерживать ее от пустых ничем несообразных капризов и считал сие за обязанность христианского долга но я не достигал странности что все мои доводы были принимаемы в привратном виде теперь открывается мне... что у ней и тогда было все перевернуто в голове чего я тогда не подозревал и думал все что прошло совершенно что было в дороге» [26, оп.1, д.29, л.36об]. Постепенно все стало забываться, пишет автор, «мы привыкли к друг другу».

Далее следует описание нового этапа во взаимоотношениях супругов, вызванного переездом в Самару родителей Марии, поездкой за ними в Москву и перепиской, которая неизменно начиналась словами «милый друг мой Мария» и «милый мой дружок Жорж», а заканчивалась фразами «даю тебе клятвенное обещание что никогда никогда не увидишь более мой миленький дружок никаких капризов и я всегда тебя любила так и теперь люблю еще больше и вечно буду тебя любить и уважать и почитать. Целую твои милые глазки и ручки твои. Верная и любящая жена Мария Аннаева» [26, оп.1, д.29, л.45], «и я также чувствую также нежно люблю как и ты Мария но что делать нужно иметь твердость характера переносить все испытания. И утешить тебя моя бесценную Марию. Целую тебя нещетно раз вечный друг и муж твой Е. Аннаев» [26, оп.1, д.29, л.46об-47].

Прежде чем забеременеть по-настоящему, Мария постоянно уверяла Егора Никитича в том, что беременна. Как бы ни наполняла она жизнь мужа сотканной ее сознанием «событийностью», прагматизм личности Марии проявился в том, что она перевезла всю свою семью в Самару и устроила отца и брата в «бизнес» мужа. Тем не менее, напросившись ехать вместе с мужем на ярмарку в Нижний Новгород, нарушив ему все планы по срокам (так как потребовалось ехать на пароходе, а из-за мелководья пароход шел очень медленно), она познакомилась со студентом, с которым проводила в беседах все время. Аннаев очень переживал, что опаздывает на ярмарку. Мария начала его спроваживать, чтобы он поехал сушей, но получилось так, что на берег вместо Аннаева сошел студент. «Моя Мария с грустью и необыкновенным волнением долго смотрела в ту сторону, куда он поехал и

долго не сводила глаз с этого места», «тяжкие вздохи ея возбудили во мне ревность» [26, оп.1, д.29, л.38об]. Мария призналась мужу, что влюбилась в студента, на что Егор Никитич «дал ей несколько религиозных наставлений», в воспоминаниях отметив, что его этот поступок «огорчил».

Во время пребывания супругов в Москве между ними произошла ссора из-за того, что Мария не дождалась Аннаева на улице, чтобы смотреть выезд императора из Троице-Сергиевой лавры. В этом месте воспоминаний Аннаев, впервые «доведенный до крайности», «позволил себе высказать несколько упреков», «просто назвал неблагодарной». В ответ Мария сообщила, что испытывает к нему отвращение (после полугода супружеской жизни). Аннаев возвращается в Самару, оставив жену в Москве, но уже из Симбирска отправляет ей полное любви послание, в котором с болью пишет, что отвратителен ей: «это было сказано так сильно, что заставило меня задуматься, ужели я в самом деле такой варвар, злодей такой несносный... и это от того, кого я навечно избрал себе в подруги!.. ужели я так жестоко наказан провидением!.. Может быть я еще не заслужил твоей искренней любви потому что я человек необразованный и не умею выражать своих искренних чувств... как львы нонешнего света беспрестанно рассыпаются в комплиментах и умеют обворожить нежный пол... но, когда я обвинил тебя в неблагодарности, я тут оскорбил тебя, прости меня, милая Мария... я уверен, что ты оставишь свои капризы и будешь моя миленькая ненаглядная Машечка» [26, оп.1, д.29, л.40]. Не могу не привести текст ответного письма из Москвы в Самару, которое так точно характеризует Марию Осиповну: «Миленький мой дружок Жорж твое письмо... я получила и ты не можешь себе вообразить я не могу тебе описать моей радости когда я просто схватила его обеими руками. Я очень верю тебе и знаю, что ты меня искренне любишь. Но ты ошибаешься, думая, что я чувствую к тебе отвращение... Ты понимаешь все мои слова с превратным смыслом. Я сказала (и сестрицы это помнят): "Я тебя прежде очень-очень любила и теперь люблю, но если ты меня всегда будешь бранить такими словами, то я тебя буду ненавидеть..."» [26, оп.1, д.29, л.42].

Большую часть писем жены Аннаев не только переписал, но и снабдил своего рода «сносками», обозначенными *, в которых излагал свою версию эмоционального переживания ссор с женой. На расстоянии Мария все силы прикладывала, чтобы поддерживать в муже любовный пыл, отправляя ему письма с просьбой приехать к ней в Москву, спекулируя беременностью и здоровьем. В ответных письмах Егор Никитич писал, что без нее переживает «минуты ужаснейшей тоски и отчаяния», и если бы у него действительно была уверенность, что при встрече все не повторится вновь, то есть Мария не начнет «капризничать», то он оставит все дела: «закрою на некоторое время всю торговлю, какие бы последствия этого не были, и я приду, чтобы только утешить тебя, мою бесценную Марию. Целую тебя несчетно раз. Вечный друг и муж твой. Егор Аннаев» [26, оп.1, д.29, л.46-47]. Отец Марии, который был введен Аннаевым в бизнес, написал суровое письмо дочери, в котором грозился, что если она будет отвлекать мужа от купеческих дел, их всех посадят в долговую яму. Мария тут же написала в Самару, что бросать все и приезжать к ней в Москву не надо, так как она боится долгой ямы, письмо же начиналось еще более ласково: «Мой миленькой сладенькой Жоржик... Я тебе все простила». В конце концов Аннаев приезжает к ней в Москву, так как ожидают роды – но роды не наступают в тот срок, о котором Мария сообщала Егору. Сама Мария объясняла это тем, что она «необыкновенная женщина!». Позднее Мария родила сына, «и это, кажется, – писал Аннаев, – разрушило ее умственные способности совершенно» [26, оп.1, д.29, л.59об].

На переписке, приложенной к воспоминаниям Аннаева, заканчивается его версия событий. Но сохранились дневниковые записи М.О. Зельцер под названием «Записки молодой женщины» (Мария Осиповна обладала очень плохим почерком, отчасти поэтому Аннаев переписывал ее письма). Интересен сюжет, повествующий о ее любви к отцу и отчасти объясняющий согласие девушки на брак с Аннаевым: «Да есть одно существо во мире, к которому я постоянно питала пламенную любовь! И уважение! И почтение! И эта особа мой отец! Я его любила без памяти, обожала до безумия! Одно его слово было для меня закон!» [26, оп.1, д.29, л.67об]. Отец ей говорил, что надо идти замуж. Мария плакала: «Папаша, я не могу расстаться с Вами!». Но отец знал, что Аннаев – преуспевающий богатый купец, торгует винами, и в разговоре с дочерью объяснял, «что может быть я поступлю к нему в виноторговцы», да и намекнул Марии, что она старшая из дочерей и все дочери «непристроены».

Из записок Марии Осиповны мы узнаем то, о чем Аннаев деликатно умалчивал в своих воспоминаниях: что он дарил ей бриллианты, дорогие материи и конфеты, «чудесное венчалное платье и отличный бархатный салоп» [26, оп.1, д.29, л.61об]. Но тут же Мария добавляет: «За бриллианты я отплатила: столько потерпела упреков! Ежедневно слышала упреки, что он меня одел с головы до ног – вот первый год моего несчастного замужества!» (в этом месте дневника опять аннаевские комментарии: «Бессовестная ложь! Первый упрек был сделан на седьмом месяце нашего супружества» [26, оп.1, д.29, л.62]). По поводу своих видений в Симбирске и по пути из Москвы Мария пишет: «Была, наверно, тифозная горячка. . . бредила разные разности. . . бредила о грузинах! Причина – трехгодичный роман с грузином. . . Когда встретила с ним на балу, он не говорил по-русски» (Аннаев едко комментирует: «очень интересная любезность! Как и не влюбиться?»). «Записки молодой женщины» обрываются на описании ее любви к «грузину»: «...моей любви! Моей страсти!!! в грузинском костюме Мартын Никитович который меня любил пламенно и страстно так же как и я его, от чего я и бредила. . . » [26, оп.1, д.29, л.62об]. Письма М.О. Зельцер, хронологически продолжающие дневник, повествуют о путевых впечатлениях, когда она вместе с новорожденным сыном возвращалась из Москвы в Самару. Это совершенно лишённые истеричности впечатления о вокзалах, публике, поездах и пароходах. . .

Бывает так в некоторых семьях: какой-то едва уловимый нерв, взявшийся из ниоткуда, случайный ген, игра кровей, намешанных в роду, – рождает теплый ветерок, напев, который есть душа семьи. Листая аннаевский архив, постоянно наталкиваешься на какое-то эстетство и благородство, не свойственное «человеку из ниоткуда», «высочке» из «срединного мира», купцу самарского лютого торгова. Это изящество комментария, это красота ненужная, неутилитарная, пронизывающая все, к чему прикасался Егор Никитич и его потомки, это романтическое, рыцарское отношение к женщине, это недолюбленность извечного романтика, не умеющего свернуть женщину в витой рог, и это мещанство в конце пути, как итог несамарского проживания жизни. . .

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое признание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не не имею любви. . . то я ничто и если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, - нет мне в таком никакой пользы».

(1 Кор 13, 1-3).

Библиографический список

1. *Абрамсон М.Л.* Четыре истории, рассказанные флорентийскими купцами о самих себе // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. Вып. 4. С. 275-304.
2. *Беленький И.Л.* Биография и Биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С.37-54.
3. *Бессмертный Ю.Л.* Глава 1: Проблема // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук, 2000. С.7-15.
4. *Бессмертный Ю.Л.* Вместо заключения. Глава 19: О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук, 2000. С. 571-576.
5. *Бреус Т.В.* Любовь как вид бытия: дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 2002. 198 с.
6. *Венедиктова Т.* Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века // Зарубежная литература второго тысячелетия, 1000-2000: Учеб. пособие / Под ред. Л. Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С.186-220.
7. Волжское слово. 1914. № 227.
8. *Гаспаров М.Л.* Нужно бы формализовать понятие индивидуальности // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С.21-22.
9. *Горький М.* Самара во всех отношениях. Письма одного странствующего рыцаря // Горький М. Собр. соч.: в 30 тт. Т. 23. Статьи 1895-1906. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. 464 с.
10. История красоты / под ред. У.Эко: перевод с итал. А.А.Сабашниковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2007. 440 с.
11. *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 403 с.
12. Классика самарского краеведения: антология. Вып. 3: Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв.: (краеведческая картотека) / под науч. ред.: П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара: Самарский ун-т, 2007. 431 с.
13. *Куприянов А.И.* «Пагубная страсть» московского купца // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1997. Т.1. С.87-106.
14. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: «Искусство – СПб», 1997. 399 с.
15. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В. Н. Данилова и П. С. Кабытова. Саратов: Наука, 2010. 354 с.
16. *Пушкарева Н.Л.* Мир чувств русской дворянки XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера // Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук, 2000. С.85-119.
17. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
18. *Пятилетова Л.В.* Любовь как смысл и оправдание человеческой жизни: дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1999. 208 с.
19. *Репина Л.П.* Вместо предисловия: Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С.5-16.
20. *Розанов В.В.* Опавшие листья: Избранные страницы. СПб.: Амфора, 2000. 316 с.

-
21. Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке / История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С.19-36.
 22. Самарский купец Егор Никитич Аннаев: биографический очерк и список литературы / авт.-сост. Фомичева Н.П. Самара: СОУНБ, 2000. 48 с.
 23. Самарское купечество: Вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара: изд-во «Самарский университет», 2006. 370 с.
 24. Современная энциклопедия Аванта+. Мода и стиль / Глав. ред. В.А. Володин. М.: Аванта+, 2002. 480 с.
 25. Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 373 с.
 26. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-4978.
 27. Эткин А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: Изд. дом «Медуза», 1993. 463 с.

СОВЕТСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ЕГО ЛИДЕРЫ: НОВАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА

В статье акцентируется внимание на изучении становления и развития промышленного кластера Самарской (Куйбышевской) области и на роли руководителей крупнейших предприятий в формировании экономической и социокультурной инфраструктуры города Куйбышева. К числу таких руководителей относится Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, первый директор Куйбышевского металлургического завода Павел Петрович Мочалов.

Ключевые слова: город Куйбышев, Куйбышевский металлургический завод имени В.И. Ленина, Павел Петрович Мочалов, социальная история, история повседневности.

*Оглянись, незнакомый прохожий,
Мне твой взгляд неподкупный знаком...
Может, я это, – только моложе,
Не всегда мы себя узнаём...
Ничто на Земле не проходит бесследно.
И юность ушедшая все же бессмертна.
Как молоды мы были,
Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя!*

Н. Добронравов

ока в мировой историографии происходили различные «повороты», а отечественная историография обогащалась каждый раз этой новой исследовательской «постповоротной» рефлексией после неподвижного 70-летнего «правления» марксистско-ленинской методологии, оказался преданным забвению позитивный пласт достижений так называемого «социалистического строительства». Строили в советский период жизни нашего государства много, начиная с общественно-экономических формаций и заканчивая достижениями промышленности и сельского хозяйства. Безусловно, всё это происходило в ущерб свободе мысли, эстетике, научному методологическому плюрализму и так далее. Идеология должна быть в государстве, но не воинствующая, накладывающая вето на любые отклонения от заданного курса. Постперестроечная историография в эйфории свободомыслия многое, достигнутое в советский период, предала исключительно

* © Кабытов П.С., Кобозева З.М., 2022

Кабытов Петр Серафимович (don.kabytov2012@yandex.ru), Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Кобозева Зоя Михайловна (zoya_kobozeva@mail.ru), доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

негативным оценкам; это в значительной степени коснулось и написанных в дискурсе советской идеологии исследований по истории заводов, фабрик, рабочего класса и колхозного крестьянства.

Наверное, этот период должен был пройти, чтобы историки осознали, что к предмету своего исследования нужно в максимальной степени применять научный инструментарий, а не идеологический подход. Отечественная школа «государственников», сформированная ещё в дореволюционной историографии, вполне правомерно начертала основной исторический и геополитический путь России, связанный с тем, что на огромных территориях возможно только сильное государство. Поэтому многое из того, что в других цивилизациях рождается «снизу», в нашей отечественной ситуации насаждается «сверху». И в этом нет ничего вопиющего. Потому что история повседневности как методологическое направление уже доказала, что даже «в неволе» рождаются повседневные тактики и стратегии, позволяющие создавать «свою» историю. Исторический процесс также происходит, просто «вызов сверху» адаптируется и творчески насыщается повседневной жизнью «снизу». Просто такова модель развития, и изучать её необходимо, учитывая все наработки методологического направления «школы повседневности», обоснованные в трудах М. де Серто, А. Людтке (Alltagsgeschichte) и др. Эта сложная игра повседневных практик, обоснованная в теоретических построениях французского историка, антрополога и социального философа М. де Серто [5], показывается как поле постоянной борьбы «пользователей» или «потребителей» схем, навязанных властью, за превращение этого пространства в «своё».

Таким образом, наступило время всестороннего анализа советского периода со всем его позитивным опытом на базе новейших достижений методологии. И главным становится на данном этапе нравственный императив о созидательной роли советского народа и выдающихся деятелей советской эпохи в их повседневном труде на благо Отечества.

Так пришло решение обратиться к изучению личности и трудового пути выдающегося деятеля г. Самары советского периода, директора завода «Металлург» П.П. Мочалова (1909-1988). Актуализация темы была вызвана гордостью за ту страну, которой больше нет, за её невероятный скачок в коммунизм, за утопический проект, который смогли осуществить советские люди, перешагнувшие Октябрь 1917 года, за то, что без гордости невозможно жить. У человека нельзя отбирать гордость. Если у него отнять гордость, то он превратится в несчастное существо с протянутой рукой «Христа ради».

После актуализации темы историк отправляется в библиотеку. Решение написать книгу про завод и его директора пришло в такую мрачную эпоху, о которой никто и подумать не мог, в эпоху новой и неизвестной коронавирусной инфекции. Грустное зрелище представляли собой архивы и библиотеки тогда. Работать в них нельзя было в полную силу, везде меры безопасности, масочный режим. А библиотеки и архивы всё равно работали. В них работают люди в большинстве своём из той советской эпохи, интеллигенция, глубокие и невероятно профессиональные библиографы и архивисты. Это и главный библиограф Самарской областной универсальной научной библиотеки Александр Никифорович Завальный, это и библиограф Кузьмина Ольга Валентиновна.

Александр Никифорович начал свою консультацию с каталожного ящичка под названием «Куйбышевский металлургический завод». Там собраны все статьи о заводе, начиная с советских времён. Эти библиографические карточки так тесно утрамбованы в ящичке и наколоты на железный штырь, что приходится заглядывать вглубь, с усилием расставляя это «прошлое» пальцами. И карточки хронологически перемешаны, потому что они тематически составлены. Поэтому карточка – ровесница эпохи расцвета завода чередуется с карточкой «конца» эпохи, когда завод купили. Купили те самые «капиталисты» из «проклятого капиталистического мира», против которых, в споре с

которыми и двигалась стремительно вперёд советская эпоха. Листая карточки «краха», «конца», «гибели» советской эпохи, осознаёшь самыми кончиками пальцев, раздвигающих каталожные карточки, всю боль того, что произошло.

Когда пришлось заказывать дела в архиве, надо было мучительно выбирать в условиях ограничений, связанных с пандемией, какие десять дел можно заказать, чтобы посмотреть их только на следующей неделе. Думаешь: ну, выберем самые важные, связанные с личностью директора. А начинаешь читать названия дел в описях – там всё важно. Строительство дорог, площадей, домов. Вместе с заводом создавался мир, государство. Государство в государстве. В мещанской старой Самаре, где-то сбоку старого городского мира, в стороне – создавался промышленный Куйбышев, а в промышленном Куйбышеве – Metallург.

Историк – он писатель? Может ли писатель оставаться историком? Будет ли интересен читающей публике писатель, делающий, как историк, сноски на научно-справочный аппарат, соблюдающий законы своего ремесла? Мы решили попробовать. Подойти к написанию рассказа о заводе и его директоре как историки, опираясь на архивы и библиотеки, на интервью и периодическую печать, делая сноски на все эти тексты, но попытаться при этом придать исследованию вид очерков, то есть микросюжетов на тему советского промышленного прошлого нашего города.

В том, что необходимо написать книгу о Павле Петровиче Мочалове, нас окончательно убедил сюжет о нём, рассказанный другим великим нашим горожанином, Борисом Александровичем Кожиним.

«Идёт самарец (фамилию назову). Он идёт на площадь Революции (живёт там), его окликают: “Вы здешний? Как пройти туда-то?” – “Здешний. Так-то и так-то. А вы сами?” – “Из Москвы. В Министерстве культуры работаю. Вы где?” – “Я? На заводе, металлургическом”. И разошлись. Который сказал, что работает на заводе, – это Герой Социалистического Труда, директор нашего металлургического завода Мочалов Павел Петрович. Но он не говорит, что он директор. Работает на заводе, и всё. Никакого снобизма» [3, с.11].

Два архива нашего города, ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области) и СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории) содержат ценные материалы, позволяющие реконструировать личность и деятельность П.П. Мочалова. Это и личные дела [4], хранящиеся в фондах архивов, и фонды самого завода [6]. Монография «Директор Павел Мочалов и его завод» [2] – это только первое обращение к ранее не исследованным фондам, позволяющим изучить историю завода через личность его директора.

Проблемам, связанным с положением и ролью в советском обществе технических специалистов и директоров промышленных предприятий, посвящён значительный пласт зарубежной историографии, так называемой русистики. В изучении этого историографического сюжета нам видится ещё одно возможное продолжение темы, связанной с личностью и эпохой П.П. Мочалова. М.В. Зелёв в своей статье, посвящённой сталинским инженерам и хозяйственникам в зарубежной историографии, показывает весь широкий спектр тем, освещённых, в частности, в трудах американских историков-ревизионистов и посвящённых новой советской технической интеллигенции [1], её взаимодействию с властью и достижениям в условиях определённой идеологии.

Безусловно, возможным продолжением темы, связанной с личностью одного из выдающихся советских директоров, является дальнейшая работа с семейными архивами.

Всё это делает актуальной тему, связанную с советским производством, для современных студентов и аспирантов, которые в последнее время имеют склонность обращаться к сюжетам истории, уже имеющим за собой значительную историографию, и не замечают при этом темы, которые не только ещё никем до них не были введены в

научный оборот, но вызывают гордость за Отечество, за людей, поднимавших страну, и их путь, полный достижений, свершений, нередко страданий, нередко ошибок, но совершаемый во имя страны.

Библиографический список

1. *Зелёв М.В.* Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950-1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (32). С.66-77.
2. *Кобозева З.М., Кабытов П.С.* Директор Павел Мочалов и его завод. Историческая память о человеке, заводе и его эпохе. Очерки истории. Монография. – Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2022. 154 с.
3. *Кожин Б.А.* Рассказывает Борис Кожин. Самара: Изд-во Метида, 2013. 432 с.
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.173. Д. 59. Личное дело. Мочалов Павел Петрович.
5. *Серто М. де.* Изобретение повседневности. 1: Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 328 с.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.4407.

СТАТЬИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 930(47).045

Д.Б. Тягун*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА СВЯТИТЕЛЯ ГЕРМОГЕНА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье приведён историографический анализ трудов отечественных исследователей, посвященных жизни и деятельности святителя Гермогена. Рассмотрены особенности каждого этапа изучения личности патриарха, сопоставлены мнения историков о его вкладе в историю и культуру Российского государства.

Ключевые слова: Гермоген (Ермоген), святитель, патриарх, митрополит, историография.

этой статье сопоставлены мнения исследователей об одной из интереснейших личностей эпохи Смутного времени в России XVII в. – патриархе Московском и всея Руси Гермогене.

Дореволюционная российская историография очень разнообразна. Этот этап представлен исследованиями как «столпов» исторической мысли, так и историков церкви. Одним из первых о Гермогене начал писать В.Н. Татищев. Однако в своих трудах учёный лишь упомянул святителя в разделах, посвящённых царствованию В. Шуйского и Междоусобице (Семибоярщине), и дал очень поверхностную оценку его роли в Смутное время. Основной акцент историк делает на мученический подвиг патриарха, и именно на этом основывает свою положительную оценку Гермогена [16]. Необходимо также упомянуть работу Н.М. Карамзина, который, в отличие от своего предшественника, подробно освещает деятельность Гермогена в сане патриарха Московского и высоко оценивает его как личность [5]. Противоположным было мнение Н.И. Костомарова, считавшего святителя Гермогена глупым, злым, не разбирающимся в людях человеком [7]. Также следует отметить труды С.Ф. Платонова, считавшего, что «личный авторитет и личное влияние Гермогена на царствование Шуйского были ничтожны» [11, с. 423]. Несмотря на это, Платонов не отрицает большой роли патриарха в последних событиях Смутного времени.

Отдельно необходимо отметить мнения историков церкви и их оценку деятельности Гермогена. Они очень подробно описывают жизнь и деятельность святителя, в особенности ее казанский период. Так, например, Е.М. Лебедев подробно передает в своей монографии ту атмосферу, в которой жил и работал будущий патриарх [8]. Не менее примечательны

* © Тягун Д.Б., 2022

Тягун Диана Борисовна (dianatyagun2000@gmail.com), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

труды И.М. Покровского, так как для их подготовки историк использовал архивы при императорском Казанском университете [13]. Несомненно, мы можем быть уверены в его профессионализме и объективности подхода к данной теме. Достояна особого внимания монография эмигрантского исследователя Б.Э. Нольде. Его работа основана на глубоком изучении разнообразных источников, что позволяет нам понять все сложности и трудности, с которыми могла столкнуться власть и православная церковь при освоении земель Казанского края [10].

Советская историография проблемы довольно скудна. Это не удивительно, ведь исследования о русской православной церкви были крайне односторонни и редки в СССР. В связи с этим, о Гермогене встречаются упоминания лишь в различного рода энциклопедиях и редких журнальных статьях, чудом попавших в печать. К таковым можно отнести статьи Н.Ф. Дроблёнковой в «Словаре книжников и книжностей» и С.М. Каштанова в Советской исторической энциклопедии [3; 6]. Если обратиться к теме реформ, проводимых Гермогеном на территории Казанской епархии, стоит отметить монографию И.П. Ермолаева. Этот историк подробно описывает освоение новоприсоединённых земель в Среднем Поволжье, трудности, с которыми столкнулись представители местной администрации, и деятельность церковнослужителей (в том числе святителя Гермогена в сане митрополита) в Казани и её окрестностях [4].

Современная российская историография проблемы представлена работами исследователей, которые писали в основном в традициях советской школы. Однако перестроечное время подарило им возможность рассматривать широкий круг тем, не вникая в голосу цензуры. Одним из таких исследователей был Р.Г. Скрынников. В своей монографии о русской церкви Скрынников посвятил Гермогену целую главу. Автор приводит различные мнения о жизни и деятельности святителя и тем самым позволяет читателям самостоятельно сформировать свою точку зрения [14]. А.П. Богданов, уделявший особое внимание истории православной церкви, подробно описывает деятельность Гермогена, опираясь на разного рода источники: грамоты, указы, мемуары современников. В своих оценках он беспристрастен, но исходя из контекста, можно отметить, что отношение историка к деятельности святителя является скорее положительным, чем отрицательным [1].

Особое место в современной историографии о святителе занимают исследования Д.М. Володихина. Гермогену у него посвящена внушительная работа, основанная не только на трудах других известных историков, но и на широком архивном материале. Фактически, на данный момент это единственный автор, который посвятил Гермогену как историческому деятелю целую монографию. Володихин подробно рассказывает о жизни своего героя, гипотезах происхождения святителя, деятельности Гермогена в сане митрополита Казанского и патриарха Московского, мученическом подвиге и памяти потомков о нём. Историк положительно оценивает реформы святителя и его жизненный путь в целом [2]. В изучении литературного наследия, оставленного Гермогеном, помогает труд Д.С. Лихачёва, давшего подробный анализ письменных сочинений святителя [9]. Также большим подспорьем для доказательства того, что существующие грамоты и духовная литература принадлежат именно Гермогену, является работа И.В. Поздеевой и А.А. Турилова. Эти историки, сопоставляя рукописные и типографские шрифты, провели подробный палеографический анализ авторских приемов святителя [12].

На основе вышеизложенного можно заключить, что наиболее богатыми на научные исследования по данной теме были дореволюционный и современный периоды российской историографии. Первый период уникален использованием историками архивных материалов, что особенно ценно. Последний важен критической оценкой событий и деятельности Гермогена в связи с появлением дополнительных источников, давших пищу для новых гипотез и доказательств. Изучаемая тема безусловно достойна дальнейшего

изучения, так как каждый из аспектов жизни святителя Гермогена может быть рассмотрен как в русле истории становления православной церкви, так и в контексте политических и социальных событий конца XVI-XVII вв. в целом. Стоит отметить, что внимание к данной исторической личности растёт, а, следовательно, это обстоятельство способствует увеличению количества научно-исследовательских работ, посвящённых святителю Гермогену.

Библиографический список

1. *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589—1700). М.: ТЕРРА: Респ., 1999. Т. 1. 352 с.
2. *Володихин Д.М.* Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 300 с.
3. *Дроблёнкова Н.Ф.* Гермоген // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А-К. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 492 с.
4. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань: Изд-во Казан ун-та, 1982. 223 с.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 12. СПб.: Кристалл, 2000. 704 с.
6. *Каштанов С.М.* Гермоген // *Советская историческая энциклопедия.* Т.4. М.: Советская энциклопедия, 1963. 542 с.
7. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. 800 с.
8. *Лебедев Е.М.* Спасский монастырь в Казани (историческое описание). Казань: типолит. ун-та, 1895. 215 с.
9. *Лихачёв Д.С.* Введение // *История русской литературы X-XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачёв, Я.С. Лурье и др.; под ред. Д.С. Лихачёва.* М.: Просвещение, 1979. 462 с.
10. *Нольде Б.Э.* История формирования Российской империи. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. 848 с.
11. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб.: изд-во у Я. Башмакова и К°, 1995. 624 с.
12. *Поздеева И.В., Турилов А.А.* «Тетрати..., печатаны в Казане» (к истории и предыстории казанской типографии XVI в.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2001. № 3(5). С. 37-49; № 4 (6). С. 13-28.
13. *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-историч., стат. и геогр. Т. 1. Казань: Центральная типография, 1897. 599 с.
14. *Скрынников Р.Г.* Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. 352 с.
15. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён // *Соловьёв С.М. Сочинения.* Кн. 4. М.: Голос, 1989. 456 с.
16. *Татищев В.Н.* История Российская // *Татищев В.Н. Собрание сочинений.* В 8 т. Т. 5-6. Ч. 4. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1996. 453 с.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ 1730-1741 ГГ. С МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

В статье рассмотрены особенности взаимодействия Кабинета министров 1730-1741 гг. с местными органами власти. Выявлены основные тенденции взаимоотношений Кабинета и местного руководства, а также проанализированы проблемы, возникавшие при координации центральных и местных властей.

Ключевые слова: эпоха дворцовых переворотов, Анна Иоанновна, Кабинет министров, коллегии, местные органы власти.

период правления императрицы Анны Иоанновны (1730-1740 гг.) власть в Российском государстве была сосредоточена в руках Кабинета министров – высшего органа управления. Значимым аспектом работы Кабинета являлось его взаимодействие с местными структурами. Анализ этого взаимодействия позволяет дать объективную оценку эффективности деятельности Кабинета, выявить, насколько политика местных властей зависела от инициативы центральных правительственных структур.

Одним из важнейших направлений изучаемой политики можно назвать действия Кабинета по контролю работы местных структур, в частности, надзор за распределением финансов.

Существенную проблему в данной области представляло выявление многочисленных случаев коррупции со стороны местного руководства. Должностные преступления местной администрации были так обширны, что дореволюционный исследователь Ю.В. Готье в своей работе выделил несколько их групп: казнокрадство, взяточничество, лихоимство и превышение власти. На местном уровне казнокрадство и взяточничество сочетались с превышением полномочий, происходившим от увлечения властью, «которое поражало умы малокультурных людей, сразу переходивших из подчиненных армейских офицеров... в роль правителей, облеченных широкой властью» [2, с.236, 241].

Например, в апреле 1733 г. в Кабинет поступила информация о том, что «Симбирский воевода Гурьев... чинил великие противности и обиды, а именно в винном и провиантском подрядах немалые передачи, не допуская настоящих подрядчиков», а в челобитчиковых делах «производил дела с волокитой и решение чинил неправильное из взятков». В данном случае правительство приказало Казанскому губернатору начать следствие по этому вопросу, с «повелением своевременно доносить о ходе следствия Ея Величеству» [8, с.178-179].

Выявленные беззакония местной администрации в царствование Анны Иоанновны иногда карались и смертной казнью. Одним из крупных расследований преступлений местных властей в 1730-х гг. можно назвать следствие об иркутском вице-губернаторе А.И. Жолобове. В ходе процесса выяснились обстоятельства так называемой «иркутской смуты» 1733 г.: вымогательства иркутского вице-губернатора с казаков, посадского населения, крестьян, а также казнокрадство и незаконная торговля Жолобова с Китаем. Согласно именному указу от 1 июля 1736 г. бывшему иркутскому правителю отрубили голову [1, с.28].

* © Кривова Д.А., 2022

Кривова Дарья Анатольевна (dariya4191@mail.ru), аспирант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Вместе с тем в указной деятельности 1730-х гг. особенно проявляется обеспокоенность Кабинета недоимками. Стремление Кабинета справиться с этой проблемой выражалось в указах о появлении центральных учреждений, основная цель которых заключалась в обеспечении эффективного сбора накопившейся «доимки» [4, с.455]. Сюда можно отнести создание в 1733 г. Доимочного приказа [7, с.137-141], а затем учреждение в 1738 г. при Сенате доимочной комиссий [9, с.641-643].

С годами количество указов о необходимости уплаты доимок возрастало – коррективы в государственные потребности вносили военные действия с 1733 по 1739 гг. [9, с. 472]. Историк Н.Н. Петрухинцев особо обращает внимание на последние годы русско-турецкой войны 1736-1739 гг., когда финансовые проблемы достигли критической точки: за 1738-1739 гг. было издано не менее 18 указов, основной темой которых была проблема недоимок [5, с. 720].

Так, в январе 1738 г. ввиду того, «что при нынешнем военном времени на нужнейшие расходы в деньгах крайняя нужда», Кабинет требовал уплаты недоимок в один месяц. Уже в июле этого года было ясно, что задача провалена – из недоимок в размере «нескольких миллионов» было собрано всего 150 000 рублей. Тогда Кабинет настоял на подтверждении прежнего указа с присылкой ведомости из рапортов, полученных от губернаторов и воевод о доимщиках-помещиках «без упущения времени» [11, с. 66-67]. В конце концов, 23 ноября 1738 г. ведомость о доимщиках была составлена, хотя и с поправкой, что сведения о недоимке являются неполными. По ее результатам выяснилось, что не только местное руководство, но и члены правящей элиты – кабинет-министр А.М. Черкасский, президенты коллегий и канцелярий, сенаторы – находятся в списке должников [13, с. 139].

Аннинское правительство главную причину многочисленных недоимок и прочих невыполнений указов видело в бездеятельности и корыстных интересах местных властей [5, с. 721].

Вместе с тем со стороны местных учреждений в Кабинет нередко поступали объяснения задержки представления «непрестанных ведомостей, отчетов и рапортов», которых постоянно требовало от них правительство. К примеру, согласно доношению Новгородского вице-губернатора в сентябре 1737 г., в губернии существовала острая нужда в приказных людях. Поэтому в связи с «малолюдством и происходит немалая остановка и упущение дел». Известно, что Новгородское доношение было передано на рассмотрение в Сенат, а «по мнению Кабинета», в новых приказных людях было отказано [10, с. 602-603].

Но недостаток в исполнителях являлся насущной проблемой всех местных учреждений. Особенно острым он был в Московской губернии, которая по обширности и значению занимала первое место в государстве. Именно московские администраторы выступили с инициативой о необходимости реформирования организации местного управления. Летом 1732 г. московский губернатор Г.П. Чернышев предложил Кабинету ввести в Московской губернии должности вице-губернатора и его советников, поскольку «без помощников в делах справиться невозможно». Однако в этой просьбе ему было отказано [6, с. 263].

Недостаток кадров на местах усугублялся колоссальными пространствами страны, где между редкими ячейками административной сети связь осуществлялась при помощи курьеров [3, с. 243]. Исходя из этого, ответы от местного руководства могли задерживаться, поэтому Кабинет требовал «во все места вновь крепчайших подтвердительных указов» с нарочными курьерами со взятием ответов «для чего по сие время о том не рапортовано было» [12, с. 30].

Развернутое объяснение неисправной работы местных структур содержат доклады смоленского губернатора А. Бутурлина. Можно сказать, в них принципиально был поставлен вопрос о недостаточной эффективности существовавшей системы управления и контроля [3, с. 249]. В своем первом докладе Бутурлин пишет, что, поскольку по указу 1737 г. коллегии

и конторы получили дозволение штрафовать местные власти, губернаторы и воеводы стали подвержены многочисленным взысканиям. А в связи с «малолюдством», «время от времени затруднением непрерывным» «все нужнейшие дела из рук выходят». При таких обстоятельствах штрафы становились просто неизбежны [12, с. 610-611].

Второй доклад Бутурлина «о крайнем изнеможении счетов годовых» еще более обстоятелен. Последовательно описывая сложность процесса подсчета финансовых итогов для рапортов в Сенат и другие инстанции, Бутурлин приходит к выводу, что на всю работу потребуется не меньше трех месяцев, в течение которых решение текущих проблем будет отложено. Выход из сложившегося положения Бутурлин видел в подчинении губернаторов только Сенату [12, с. 687-690].

Итак, со стороны Кабинета министров можно увидеть стремление контролировать работу местных органов власти. Отдаленность местных властей от центра, порождавшая ощущение безнаказанности, приводила к росту злоупотреблений местного руководства, с которыми пыталось бороться правительство. Можно сделать вывод, что в ряде случаев действия Кабинета по координации работ местных структур были успешны. Однако взаимодействие Кабинета и местных властей затруднялось рядом обстоятельств. Наиболее острой проблемой, осложнявшей работу местных структур, являлся недостаток кадров на местах.

Библиографический список

1. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
2. Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. В 2 т. Т. 1. М.: Типогр. Г. Лисснера и Д. Севке, 1913. 492 с.
3. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань: Частн. изд. П.А. Трибунский, 2003. 570 с.
4. Пермякова А.Н. Проблема недоимок в царствование Анны Иоанновны: конфискация имущества как новая практика фиска // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. Вып. 4. С. 453-458.
5. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.
6. Писарькова Л.Ф. Государственное управление Россией с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 743 с.
7. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (далее ПСЗ-1). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. Т. 9. 1014 с.
8. ПСЗ-1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. Т. 10. 995 с.
9. Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 105. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 2. (1733 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1899. 716 с.
10. СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1906. 850 с.
11. СИРИО. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 8. (июль-декабрь 1738 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1906. 590 с.
12. СИРИО. Т. 130. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 10. (июль-декабрь 1739 г.). Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1909. 768 с.
13. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма XVIII в. М.: Наука, 1966. 273 с.

ЛАНДМИЛИЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПРИ КРАСНОЯРСКОЙ КРЕПОСТИ: ПРОЕКТ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Цель данной статьи – осветить вопросы существования поселения ландмилиции при Красноярской крепости и размещения здесь гарнизона данного участка Новой Закамской линии.

Ключевые слова: Новая Закамская линия, Красноярская крепость, ландмилиция.

ормирование Российского государства проходило в тяжелейших условиях, одним из которых была постоянная угроза набегов кочевников из южных и юго-восточных степей. Эта проблема оставалась актуальной и в первой половине XVIII в., когда по южным и юго-восточным границам империи была построена сеть укрепленных линий, обороняемых специально создаваемыми частями – полками ландмилиции.

Для Новой Закамской линии, строившейся в 1731-1735 гг., было сформировано 3 конных (Шешминский, Билярский и Сергиевский) и Алексеевский пехотный ландмилицкие полки, суммарно насчитывавшие чуть более 4000 человек [5, № 5993], расселенных в специально оборудованных укрепленных валом и рвом поселениях при узловых точках обороны – крепостях и фельдшанцах (позднее – и при редутах). Всего таких поселений было создано, судя по всему, 13.

Одно из крупнейших поселений было организовано при Красноярской крепости – одной из мощнейших крепостей на Новой Закамской линии. Поселение ландмилиции примыкало к крепости: укрепления имели сложную форму и образовывались крепостью и основной линией укреплений, дополняясь двумя ответвлениями от нее [4].

При Красноярской крепости изначально, по проекту руководителя экспедиции Ф.В. Наумова от 15 октября 1734 г., планировалось разместить 6 рот ландмилиции (5 конных и 1 пехотную), общей численностью 666 человек, в том числе 604 рядовых, 44 унтер-офицера и капрала [2, с.97]. Однако в соответствии с сенатским указом от 20 декабря 1734 г. [2, с.104, 108] поселения ландмилиции создавались также при некоторых редутах, что привело к уменьшению численности гарнизонов при крепостях. Так, численность войск, размещенных при Красноярской крепости, сократилась до 5 рот – 4 конных (408 чел.) и 1 пехотной (156 чел.). Помимо солдат с семьями, в поселениях также должны были размещаться помощники, по возможности из числа родственников поселенцев, которые должны были помогать по хозяйству, а в случае выхода полка в поход оборонять линию; кроме того, следует упомянуть значительную численность разного рода служб обеспечения: лекари, полковая канцелярия, различные мастерские и т.д. Что касается построек внутри поселений, на территории слобод должны были располагаться жилые дома, как правило, избы, с двором и огородом; кроме того,

* © Бувич М.А., 2022

Бувич Михаил Алексеевич (buevichm64@mail.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

также земля отводилась под церковные постройки, полковые канцелярии, дома офицеров и священнослужителей [2, с.99].

Что-то определенное о планировке поселения сказать чрезвычайно сложно по причине отсутствия данных; кроме того, в отличие от крепости, поселение, развившись к нашему времени до крупного населенного пункта, далеко вышло за пределы укреплений, уничтоженных современной застройкой. Однако сохранился документ, по которому можно, пусть и весьма приблизительно, судить о застройке и устройстве поселения – роспись изб для ландмилиции, построенных при слободах к концу 1735 г. [2, с.112]. Согласно ей, при Красноярской крепости на 6 рот ландмилиции было построено 64 избы. Очевидно, имеются в виду также строения в поселениях при редуте Хорошем; с другой стороны, это может объясняться более ранним временем организации поселения, когда планы расселения еще соответствовали проекту Наумова. Важно, что, учитывая выделение земли под жилые дома, огороды и т.д. при размежевании земли для ландмилиционеров, скорее всего, планировалось индивидуальное размещение солдат и их семей. Кроме того, скорее всего, в эту ведомость попали далеко не все жилые здания в поселениях. Вероятно, данный документ исчисляет количество зданий, построенных централизованно.

Необходимо также затронуть тему земельных наделов. При расселении ландмилиционеров была организована специальная «комиссия» под руководством А. Киндякова [2, с.108], которая в 1734-1736 гг. составила 14 «межевых книг», где содержатся наиболее подробные сведения о расселении ландмилиции и наделении земельными наделами. Земля, в соответствии с принятыми для всей ландмилиции нормами, распределялась из расчета на 1 солдата и семью. При этом наделы для солдат конных полков были больше, чем для пехотных: 30x15 и 20x8 сажен соответственно.

Ответить на вопрос о площади поселения могут помочь данные о распределении земли для домов и огородов гарнизона. Здесь имеется несколько сложностей. Первая из них заключается в том, что не совсем ясно, на какую численность гарнизона опираться при подсчетах, поскольку данные о межевании земли и данные о расселении военных существенно разнятся. Кроме того, не совсем ясно, сколько земли в поселении имели офицеры, священники и служащие.

Вторая сложность – в том, что неизвестно, насколько плотной была застройка территории поселения и какая часть его была не заселена вообще. Подобный вопрос обусловлен довольно сложной конфигурацией поселения, сложным рельефом местности и планом крепости, приводимым Ласковским. При нынешнем уровне знаний ответить на этот вопрос пока не представляется возможным.

При учете вышеуказанных вопросов максимальная площадь заселенного пространства поселения на 6 рот (без учета офицеров, священнослужителей и т.д.), конных и пеших, приблизительно равна 1,16 км².

С 1736 г. Новая Закамская линия постепенно расформируется, поскольку строившаяся Оренбургская линия представлялась более предпочтительной для обороны границы [3, с.38]. Гарнизон Новой Закамской линии планировалось также перевести туда. Однако процесс затянулся, и до 1738 г., то есть до выхода специального на то указа [6, № 7514], ландмилиционеры продолжали проживать в поселениях линии, исправно неся службу. Кроме того, некоторые воинские контингенты продолжали оставаться здесь вплоть до 1741 г. [2, с.125] Уже построенные дома в поселениях были признаны качественными, и было принято решение переселять сюда отставных солдат и калмыков [1, с.98].

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов. Так, скорее всего, гарнизон крепости здесь был размещен полностью, хотя и на незначительный срок, будучи затем переведен на Оренбургскую и Самарскую линии. Что-то определенное о планировке поселения и расположении зданий сейчас сказать практически нельзя,

поскольку выявленные источники эту информацию не содержат, а применение археологических методов видится невозможным по причине плотной современной застройки. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют провести общую реконструкцию укреплений поселения и расположения их на местности.

Библиографический список

1. *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.
2. *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.
3. *Кузнецов В.А.* Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. №2. 2009. С. 35-41.
4. *Ласковский Ф.Ф.* Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее ПСЗ-1). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. Т. 8. 1018 с.
6. ПСЗ-1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. Т. 10. 995 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ В ДЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ А.О. ИШИМОВОЙ (1840-1860-Е ГГ.)

Статья содержит анализ исторических рассказов, размещенных в журналах первой профессиональной детской писательницы в России, А.О. Ишиимовой, в 1840-1860-х гг. Обозначены ключевые особенности первых российских детских журналов «Звездочка» и «Лучи», предназначенных для детей младшего и старшего возрастов, выявлены особенности стиля изложения для юных читателей, сделаны выводы о социокультурной значимости исторического просвещения детей.

Ключевые слова: история для детей, история журналистики, детские журналы, распространение исторических знаний, А.О. Ишиимова.

Многие историки отечественной литературы и журналистики занимались изучением истории периодических изданий для детей и юношества. Однако в современной историографии отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные конкретным разделам детских периодических изданий, в частности, совсем не изучены исторические рассказы, размещенные на страницах детской периодики, их социальная значимость как формы исторического просвещения.

Середина XIX в. характеризуется расцветом отечественной журналистики для детей. Журналы формировали художественный вкус детей и юношества, пробуждали интерес к чтению, готовили к восприятию взрослой серьезной литературы. Именно в это время выходят любопытные издания – среди них «Звездочка» и «Лучи» первой профессиональной детской писательницы среди женщин в России Александры Осиповны Ишиимовой (1801-1881 гг.). На страницах ее журналов впервые появляются исторические рассказы, которые открывают для ребенка удивительный мир «случаев и происшествий» [12, с.146].

А.О. Ишиимова – автор знаменитой книги «История России в рассказах для детей». В литературе она дебютировала как переводчица, но однажды одна из ее знакомых дам высказала мысль: почему бы не написать русскую историю для детей? И в августе 1834 года Александра Осиповна начала работу над собственным проектом. За основу была взята «История государства Российского» Н.М. Карамзина, которую писательница прочла несколько раз [6, с.2]. А.О. Ишиимова старалась приблизить слог своих произведений к разговорной речи, писала образно, красочно. В.Г. Белинский отмечал, что рассказ Ишиимовой «до того картинен, жив, увлекателен, что чтение ее истории есть истинное наслаждение» [1, с.44].

В 1841 году Ишиимова получила разрешение издавать журнал «Звездочка» – единственный в то время частный воспитательный журнал для детей, который издавался до 1863 года. С 1850 года журналов, издававшихся Ишиимовой, стало два – «Звездочка»

* © Таишева А.Ф., 2022

Таишева Альбина Фаритовна (taisheva.fa@gmail.com), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

для детей младшего возраста, 5-10 лет, «Лучи» для читательниц в возрасте 9-14 лет [10, с. 123].

Тон журналов был сентиментальным, характерным для обучения девочек в том столетии. Журналы были направлены на обучение детей, поэтому должны были соответствовать определенным правилам, обозначенным властью, воспитывать юных читателей в духе преданности царской власти и христианской церкви [11, с.51].

«Звездочка» состояла из двух отделений: в первом было 6-7 произведений, во втором – 2-3. Тематика рассказов была различной: сведения о мире и природе, поучительные истории, нравственные «беседы». Отдельную тему составляли исторические рассказы. В каждом выпуске присутствовало 1-2 произведения, в которых раскрывались особенности такой науки, как история [3, с.78].

В «Лучах», в отличие от «Звездочки», произведения объединялись тематически, появились конкретные разделы: «1. Словесность», «2. Науки», «3. Новые книги», «4. Смесь». Исторические рассказы в новом журнале оказались в разделе «Науки», по 2-3 текста в каждом выпуске [7, с.2].

Обратимся к содержанию исторических рассказов журнала «Звездочка». Автор статей умело разъясняет значения слов, непонятных для юного читателя. На странице журнала перед ребенком выстраивается целый ряд терминов: «человеческий род», «народ», «государство», «власть», «государь». О самой исторической науке ребенку рассказывают следующим образом: «Рассказ о жизни народа составляет особую науку и имеет особенное название, которые ты вероятно слышал. Такой рассказ называется историей. Слово это греческое и по-настоящему значит просто рассказ или повествование. История – одна из самых занимательных и полезных, одна из необходимейших наук. История есть наука, которая изображает в связном рассказе существенные перемены в жизни народов, или, пожалуй, государств». Примечательно, что автор будто беседует с юным читателем, предлагает окунуться в мир «случаев и происшествий». В другом выпуске мы можем увидеть даже объяснение предмета исторической науки: автор объясняет читателю, что история занимается непосредственно человеком, и что это отличает ее от других наук [2, с.91].

Слог «Звездочки» адаптирован для младшего возраста. Автору было важно донести сложную информацию для детского восприятия, и здесь на помощь приходят средства художественной выразительности, в том числе сравнение: так, например, народ – «человек, который рождается, растет и умирает» [4, с. 89]. В «Лучах» беседа ведется с более взрослым и понимающим ребенком, поэтому отсутствует стремление объяснить многие термины, однако сохраняется тот же эмоциональный диалог, наполненный живыми описаниями [7, с. 3].

В одной из статей было подчеркнуто, что «Звездочка» намерена доставлять иногда рассказы, извлекая их из сочинений в таком роде, от которых не требовалось краткости [11, с. 51]. Такую же традицию мы можем наблюдать и в «Лучах». Героями рассказов по истории были, например, Ассур, Семирамида, Аттила, Петр Великий и др. Авторы стремились описать исторического деятеля прежде всего как выдающуюся личность с присущими ей качествами, обрисовать его характер. Об этом говорит, например, фраза: «Что может быть прекраснее этой простоты и искренности величайшего из государей! Какие примеры он подает нам, милые дети, во всех случаях жизни» [4, с. 205]. Примечательно, что на страницах обоих журналов главными героями становились не только деятели, но и исторические явления, события: например, в одном из выпусков «Звездочки» описывается история Академии Художеств, уделено внимание описанию картин великих мастеров, а в «Лучах» приведена история отдельных городов [7, с. 131].

В «Лучах», в отличие от «Звездочки», появляется периодизация истории: «рассказы из Древней истории», «рассказы из Средней истории»; однако границы ее достаточно размыты. Еще одной особенностью является то, что в «Лучах» были представлены не

только рассказы, посвященные историческим деятелем, как это было в «Звездочке», но и, например, чертам русского народного воспитания, то есть история не рассматривалась только как рассказ о лицах и событиях, она раскрывалась для читателя как нечто большее, дающее ответы и на моральные запросы общества [8, с. 64]. В «Лучах» автор знакомит читателя с описанием быта и материальной культуры отдельных народов: в этих рассказах мы можем найти подробное описание жилища Аттилы, его одежды, привычек, встретить и этнографические сведения о традициях гуннов и особенностях их менталитета [8, с.10]. Такие подробные описания позволяют юному читателю ощутить особенности каждого народа, открыть для себя мир этнографии.

На страницах обоих журналов отсутствуют сноски, однако знак * поясняет значение непонятных для ребенка терминов. Можно отметить еще одну важную особенность – появление такого словосочетания, как «историки говорят», то есть ребенку объясняется, кто такой историк, какие стоят перед ним задачи, указывается, что текст должен быть подкреплен достоверными фактами. Автор поясняет, откуда был взят фрагмент, жалеет, что не может разместить больше, и дает ссылку на те книги, где можно в большем объеме ознакомиться со сведениями по данному вопросу [9, с. 27].

Таким образом, исторические рассказы на страницах детских периодических изданий середины XIX в. стали совершенно новым явлением, во многом связанным со становлением исторической науки в целом. Появилась история для детей: живая, красочная (только еще без иллюстраций на тот момент) и наполненная деталями. Слог этих рассказов был адаптирован для детского восприятия, каждый текст написан легко и увлекательно. Благодаря журналам юный читатель постепенно познает такую науку, как история, через рассказы об исторических деятелях, о явлениях и событиях расширяет свой кругозор и наполняет разум – в этом и состоит социокультурная значимость исторических рассказов на страницах детской периодической печати.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* История России в рассказах для детей. Сочинение Александры Ишимовой // Белинский В.Г. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М.: Художественная литература», 1979. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0640.shtml (дата обращения: 06.05.22).
2. Звездочка. 1842. Ч. 2. № 2.
3. Звездочка. 1842. Ч. 3. № 9.
4. Звездочка. 1842. Ч. 4. № 11.
5. Звездочка. 1842. Ч. 4. №12.
6. *Ишимова А.О.* История Россия в рассказах для детей. М.: Россич, 1994. 736 с.
7. Лучи. 1852. Т. 5. № 1.
8. Лучи. 1854. Т. 9.
9. Лучи. 1854. Т. 10.
10. *Смеюха В.В.* Отечественные женские журналы. Историко-типологический аспект: Монография. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. 188 с.
11. *Стыкалина О.С.* К истории создания журналов для детей А. О. Ишимовой «Звездочка» и «Лучи» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 9. С.51-61.
12. *Трудова А.С.* Вопросы сердца в воспитании девочек: по страницам журнала А.И. Ишимовой «Лучи» // Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов 4-й Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 6-7 апреля 2013 года) / под ред. А.Н. Пашкурова, Л.Я. Вороновой, А.Ф. Галимуллиной. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. С.146-149.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ КОМИТЕТОВ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ (1902-1905) В ОБЛАСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируется деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902-1905) в области судопроизводства. Приводятся точки зрения членов местных комитетов Особого совещания по вопросам реформы волостного суда и оценка этих проектов современными исследователями.

Ключевые слова: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, волостной суд, Самарский губернский комитет.

В начале XX века в связи с нарастающей потребностью в модернизации экономического и политического курса Российской империи возникла необходимость разрешить ситуацию в аграрном секторе экономики. По сравнению с промышленностью аграрный сектор переживал определённую стагнацию. Для решения вопроса о дальнейших направлениях развития сельского хозяйства в 1902 г. была образована межведомственная комиссия – Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством министра финансов С.Ю. Витте. Программа совещания предусматривала обсуждение не только первоочередных мер для успешного развития сельскохозяйственной промышленности, но и вопросов, связанных с модернизацией органов местного самоуправления и крестьянского судопроизводства.

Механизм обсуждения проблем крестьянского правосудия и дебаты по вопросам правосудия на всех уровнях, от уездного до имперского, анализируются в работах А.А. Сорокина, Ю.В. Щедриной, Б.Н. Миронова и других современных российских исследователей [1; 2; 5]. Так, Ю.В. Щедрина, предваряя освещение вопроса о модернизации судопроизводства на волостном уровне, пишет: «Вопрос о крестьянском суде напрямую не входил в круг вопросов, обсуждаемых комиссией, однако проблема крестьянской юстиции ввиду её важности не могла оказаться обойденной вниманием участников Особого совещания» [5, с.33]. По ее словам, участники Особого совещания планировали устранить те недостатки и неопределённости, которые лежали в сфере имущественных и общественных отношений крестьян. А.А. Сорокин, критикуя Ю.В. Щедрину и других исследователей данной проблемы, отмечает, что «в упомянутых исследованиях освещение работы местных комитетов довольно однобоко, заострено исключительно на критике комитетами существовавших институтов крестьянского суда» [2, с.90]. Он указывает на существование защитников волостного суда не только среди крестьян, но и среди землевладельцев и бюрократии. Также автор пишет об отсутствии поддержки вопроса о реформировании волостного суда, связанной с взглядами губернаторов, возглавлявших губернские комитеты. Так, Витебский, Орловский и Симбирский губернские комитеты в итоге отказались поддерживать предложения об отмене волостного суда [2, с.95].

* © Торунов В.А., 2022

Торунов Владислав Алексеевич (vlad.porunov@yandex.ru), аспирант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Из 531 комитетов за реформирование волостного суда высказался 41 комитет, против – 3, остальные воздержались. За упразднение сословного (волостного) крестьянского суда высказался 71 комитет, против – 1, остальные воздержались [1, с.10]. Однако во многих комитетах призыв к реформированию судеустройства звучал в рамках рассуждений о необходимости оказания правовой помощи населению или при обсуждении правового положения крестьянства. При этом деятельность волостного суда подвергалась жёсткой критике, а главной причиной его кризиса, по мнению участников обсуждения, являлось применение обычая как основного источника права [5, с. 35]. Сторонники сохранения обычного права апеллировали к традиционности данных норм для крестьянской общины [2, с.92].

Много замечаний было высказано относительно квалификации судей. В частности, указывалось на отсутствие у них юридических знаний и подготовки, образования, а также на их экономическую и правовую зависимость. Отметим, что правовая защищенность крестьянства в целом оценивалась участниками Сопещания невысоко.

На заседаниях комитетов предметом дискуссий был вопрос об отношении к судебным полномочиям земских участковых начальников. В ряде заключений рекомендовалось изъять судебные полномочия у земских начальников либо заменить их мировыми судьями. Защитники же института земских начальников, основываясь на своем практическом опыте, требовали усилить контроль и опеку над крестьянством путем отмены выборных сельских старост и волостных судей и введения процедуры их назначения [4, с.432-433].

Исследователи [2; 5] выделяют три типа предложений членов местных комитетов Особого совещания по реформе судеустройства:

1. создание суда по типу гминного, действовавшего в Царстве Польском на коллегиальной основе;
2. передача судебных полномочий единоличному выборному судье с соответствующим образовательным цензом;
3. учреждение коронных (назначаемых правительством) судей.

В Самарском губернском комитете в ходе дебатов о судьбе волостного суда было внесено предложение о его преобразовании в участковый суд для всего земского участка и установлении срока службы судей в шесть лет. Автор предложения, Д.Я. Слободчиков (1864 – после 1927 г.), окончил юридический факультет Московского университета, служил в Таможенном департаменте в Петербурге, в 90-е годы XIX в. занимал должность земского начальника 2-го участка Бузулукского уезда Самарской губернии. С 1900 г. по 1908 г. он являлся непременным членом Губернского присутствия, а также был гласным земского собрания от Бузулукского уезда. В 1908-1909 гг. был председателем Самарской губернской земской управы, в дальнейшем – вице-директором и затем – директором Департамента Земледелия. В записке «О некоторых нуждах крестьянского хозяйства в Самарской губернии» Д.Я. Слободчиков отмечал, что «суд должен был иметь выборную основу», а судьи должны быть «наиболее развитыми и способными лицами» [3, с. 108]. К сожалению, Слободчиков в своей записке не указал, на каком принципе, единоличном или коллегиальном, должно базироваться осуществление судеустройства. Тем не менее, данный способ реорганизации наиболее близок к предложению о необходимости образовательного ценза для выборного судьи, что позволило бы свести к минимуму попытки недобросовестного и неправильного разрешения уголовных и гражданских дел, а также повысить уровень знания законодательства Российской империи. Необходимо отметить, что члены Самарского уездного комитета в качестве главного недостатка волостного суда указывали отсутствие определённого критерия для постановки им важных решений. «Предоставляя ссылаться на местные обычаи, закон

тем самым предопределяет самые разнообразные по однородным делам решения, скрывающие в себе небрежность и произвол судей» [3].

Несмотря на осознание необходимости перестройки экономических и юридических основ сельской жизни, в предложениях уездных и губернских комитетов не было выработано единой программы реформирования волостного суда. Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности предлагали разные варианты решения проблемы крестьянского судопроизводства. К сожалению, ни один из этих проектов не был реализован. Для реформирования волостного суда необходимы были серьёзные изменения в законодательстве Российской империи, которые сделали бы гражданское общество более демократическим.

Библиографический список

1. *Миронов Б.Н.* Политика versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. №1. С. 8-30.
2. *Сорокин А.А.* Дискуссии о реформе местного суда в начале XX века в провинции (на примере Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) // Петербургский исторический журнал. 2018. №1. С.89-103.
3. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 35. Самарская губерния. СПб.: тип. «Народная польза», 1903. 622 с.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 43. Тульская губерния. СПб.: тип. «Народная польза», 1903. 529 с.
5. *Щедрина Ю.В.* Дискуссии о судьбе волостного суда в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4(32). С.32-43.

ЭВОЛЮЦИЯ ДАЧИ КАК МЕСТА ОТДЫХА ГОРОЖАН В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматривается этимология слова «дача», приводится краткий очерк возникновения дачи как феномена, анализируется процесс эволюции дачи как места отдыха в дореволюционный период.

Ключевые слова: дача, дворянство, летний отдых, поместье, усадьба, традиция.

русскую языковую практику слово «дача» вошло еще во времена Киевской Руси и означало раздачу князем земель своим подданным и дарение вообще (хлебные дачи, лесные дачи). С XVI в. слово «дача» интерпретировалось как подарок или дар, от древнего праславянского глагола «дати» (давать) [7, с. 149]. В XVII в. термин встречается в значении «дарованная князем земля» [2].

В общемировой лексикон слово вошло через русскую литературную классику начала XX в., через произведения А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.М. Горького. В современном английском языке слово *dacha* (в немецком – *Datsche*) используется в значении «индивидуальный загородный дом с участком земли, для летнего проживания» [1, с. 240].

Итак, дача – это такой же феномен России, как масленица, баня или матрёшка. Само слово не переводится на другие языки, а лишь транслитерируется, прослеживая его истоки, мы приходим к концепту, возникшему в русском мире [7, с. 148]. В XVIII – начале XIX в. слово «дача» семантически совпадало с концептами «поместье», «усадьба» и «имение», означало дарение в знак расположения власти к своим подданным, награду в виде земельного участка за службу. С течением времени понятие «дача» упростилось и стало означать загородный дом, где в летний период проживают владельцы или арендаторы, место для отдыха. В современных этимологических и толковых словарях понятие «дача» неразрывно связано с идеей отдыха и рекреации горожан. Отличием этого термина в этимологическом плане от усадьбы, имения и прочего, являются семы: лето, летний отдых и близость к городу [7, с. 153].

Существует несколько теорий «рождения» дач в Российском государстве: согласно одной из них, слово «дача» вошло в обиход при Петре I, когда он давал земли аристократии, чтобы привлечь её к мало обустроенной питерской жизни [7, с. 149]; распространялись дачи и в царствование императрицы Екатерины Великой [6, с. 445]; узаконен термин «дача» был при Николае I, подписавшем «дачный указ» о раздаче загородной земли «под постройку домиков или дач» [10].

Дача как место проведения летнего сезона в пригороде появилась в начале XIX в. Её популярность возросла вследствие строительства железных дорог и отмены крепостного права, развития слоя состоятельных горожан, который создал «новую»

* © Васина Д.И., 2022

Васина Дарья Игоревна (vasinadaryavasina@yandex.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Россию. Пыль и духота были обычными для летнего города. У горожан возникла мысль, что жить летом в пригороде будет здоровее и дешевле. Кроме того, крестьяне после отмены крепостного права, отправляясь в город в поисках работы, могли сдавать свое жилье внаем [11].

Не все могли снять целое имение, кому-то хватало средств лишь на крестьянскую избу. Например, в Павловске (под Петербургом) «дача с обстановкой из пяти комнат» стоила 300 рублей за лето; а трехкомнатную дачу с остекленной верандой в Финляндии, на станции Перкьярви, можно было снять всего за 80 рублей [8]. В то же время рабочий Петербурга или Москвы редко зарабатывал больше 300–350 рублей в год, поэтому не мог позволить себе уехать на дачу хотя бы на три месяца [9].

Главная особенность дач дореволюционного периода заключалась в том, что они практически всегда были наемными [4]. Содержать собственную дачу могли лишь богатые. Потому многие горожане «держали постоянную связь с одними и теми же домовладельцами, снимая у них дачу из года в год» [8]. Самые нетерпеливые уже в марте искали съемный угол, поэтому получили прозвище «грачи» [11]. Переезд на дачу в XIX в. в какой-то степени напоминал ритуал [7, с. 152].

Образ дачи составляли знаки развлечения и отдыха: историк дачного движения М.И. Пиляев отмечал, что «...на дачах не просто отдыхали: устраивали балы, открывали салоны, они стали частью богемной жизни горожан. Часто приезжали гости. К их приезду хозяева устраивали на прудах балы с фейерверками и танцами дрессированных лошадей на поляне. Понятие «на даче отдыхать» – это гуляние под луной по красивым аллеям парка, купания, застолья, приятные чаепития за дружественной беседой у красивого самовара или угощения парным молоком, купленным у ближайшей молочницы» [5]. С конца XIX в. стало возможным вести и хозяйственно-экономическую деятельность на дачных землях.

Дачные постройки имели эстетические параметры. Г. Иванкина отмечает, что «все описания дореволюционных дач похожи – это непременно речка, романтическая веранда, шум поезда в вечерних сумерках, палисадник, и – миленькая дачница» [3]. То есть дача – это своего рода аналог барского поместья, которая заменяла адвокату или инженеру ту дворянскую жизнь, которую они знали по книгам или видели в действительности. Именно эта трансляция культурного кода высших сословий в более демократичную среду представляет несомненный научный интерес для дальнейшего анализа семантической эволюции дачного феномена.

Библиографический список

1. *Беленький М.В., Визирян Г.В.* и др. Терминологический словарь по строительству на 12 языках. М.: «Русский язык», 1986. 1368 с.
2. *Гаврилова Е. В.* Основные направления развития предметно-пространственной среды загородного дома в России 1980-х - начала 2000-х гг.: исторические традиции и новаторские приемы: Авторефер. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2007. 31 с.
3. *Иванкина Г.* Русская дача как феномен. 2017 // Живой журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://zina-korzina.livejournal.com/723573.html>
4. *Иванов Д.* Дачи и дачная жизнь в Российской империи. 2011. // История государства: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://statehistory.ru/2199/Dachi-i-dachnaya-zhizn-v-Rossiyskoy-imperii/>
5. История дачного движения // Городу.net [Электронный ресурс]. URL: <http://городу.net/342-istoriya-dachi.html>

-
6. *Конечный А.М.* Петербургские дачи // Антропологический форум. 2005. № 3. С.444-452.
 7. *Левченко И. А.* Семиотика дачи как концепта хабитата русской аристократии и элиты XVIII-XIX столетий: предметные, образные и ценностные характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 9 (132). С.147-155.
 8. *Пискарев П.А., Урлаб Л.Л.* Милый старый Петербург: воспоминания о быте старого Петербурга начала XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 334 с.
 9. *Рыкачев А.* Динамика зарплаты строительных рабочих, а также динамика цен на муку и хлеб в С.-Петербурге (1853 – 1910 гг.). – Оpubл. в статье: Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С.331-355.
 10. Указ Николая I «О раздаче в г. Кронштадте загородной земли под постройку домиков или дач и разведение садов» 29 ноября 1844 года. № 18478 // Родина. Исторический научно-популярный журнал. 2018. № 7. С.56-57.
 11. *Чагадаева О.* «И свободнее вздохнуть, и пошире оглядеться»... Чем стали дачи для горожан дореволюционной России // Родина. Исторический научно-популярный журнал. 2018. № 7. С.58-61.

В.В. Анисимова*

**БРАТАНИЯ НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье описываются особенности менталитета русской солдатской массы времен Первой мировой войны, обусловившие восприятие солдатами реалий фронтовой жизни, в частности, такого явления, как братания.

Ключевые слова: братания, Первая мировая война, солдатские массы, социальная психология, менталитет, крестьянство.

Рождество 1914 года весь мир облетела сенсационная новость о стихийном перемирии солдат на Западном фронте – отказывались воевать друг с другом англичане, французы, немцы. На фоне таких известий и грез о мировой революции и освобождении человечества затерялись скудные данные о том же явлении на Русском фронте.

Уже в 1915 году боевые действия приобретают затяжной и позиционный характер, а снабжение фронта продовольствием и техникой ухудшается. В результате затянувшегося сидения в окопах, лишений и тягот зарождается антивоенное движение, которое выражается в дезертирствах, добровольной сдаче в плен, саморанениях и прочих нарушениях воинской дисциплины, однако ярче всего – в братаниях: встречах солдат воюющих сторон на нейтральной полосе в период затишья на фронте.

Первые братания на Восточном фронте произошли еще в декабре 1914 года [3], а официально русское командование зарегистрировало факт братания перед Пасхой 1915 года – солдаты выходили из окопов, христосовались с немцами и угощали друг друга. Один из таких случаев завершился соревнованием хоров и общими плясками [1]. В течение всего 1915 года подобные инциденты на фронте происходили редко и почти забылись, однако в апреле, а затем и в течение всего 1916 года снова происходят братания, на этот раз уже массовые и привлекающие внимание командования. Во время Пасхальной недели 1917 года братания и вовсе принимают практически повальный характер, в особенности на Юго-Западном фронте [4] – их участниками становятся более ста полков. Продолжаются такие массовые акции и в течение всего 1917 года [2].

Братания на Русском фронте сильно отличались от братаний на западе тем, что в их основе лежало укоренившееся представление о важности церковных праздников, отражающееся в отношениях крестьян между собой. В русских деревнях у богатых было принято поддерживать бедных, дарить куличи, пасху и т.д. Так же и солдаты в приливе религиозных чувств, иногда со слезами, раздавали свой хлеб товарищам и противникам. Угощение противника являлось неотъемлемой частью братаний, что напоминало народное гуляние, при котором сельский сход обходил все дома с целью сделать праздник общим. Русские солдаты дарили проходящим к ним австрийцам «подарки», хлеб («а то у

* © Анисимова В.В., 2022

Анисимова Варвара Васильевна (sirenetta093@gmail.com), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

них черный»), пасху и яйца, сало и «конфеты». Обязательной частью празднования крестьянами Пасхи были и горячительные напитки – при братаниях они выводили праздник на уровень формального прощения врага, а в 1917 году присутствие алкоголя при братаниях и вовсе выходит на первый план [1].

Находила свое отражение в описываемом феномене и такая особенность крестьянского менталитета, как неприятие продолжительного конфликта с врагом и стремление простить его. Братания вызывались чувством религиозного прозрения и всепрощения, проявлением не просто идентификации с противником, а любви и жалости к нему, с рукопожатиями, слезами и «целованиями от радости». Красочным примером здесь является рассказ о братании в письме одного из солдат 41-го пехотного Селенгинского полка: «На первый день Пасхи когда мы уже разговелись одохлали немного у нас все тихо ни одного выстрела стали мы из своих окопов махать шапками до своего врага и он тоже начал махать и стали звать друг друга к себе в гости и так что мы сошлись по маленько с австрийцами на средину между проволочное заграждение без никакого оружия и начали христосоваться а некоторые австрийцы были православны то целовались с нами и некоторые с жалости заплакали и угощали друг друга в мести плясали как настоящие товарищи а потом разошлись и должна быть наша история в писана в газетах»[1]. Как в крестьянской жизни, так и при братаниях праздник не ощущался полноценным, если в нем не было места неприятелю – он начинался среди своих, но всегда заканчивался среди чужих.

Крестьянский обычай побратимства, который уходит корнями в древность, также нашел свое отражение в братаниях. Так, в письмах солдаты-крестьяне рассказывали, как «кинулись враги приятели друг к другу в объятия», о «дружестве», об обещаниях «больше не воевать», о подаче «братской руки» и т.д. [1].

Братания были откровенным нарушением воинской дисциплины, а широкие контакты с противником влекли за собой уголовную ответственность по Воинскому уставу. Однако сильнее страха быть наказанным или убитым оказывалось порой чувство всеобщего единения и братства перед лицом бесчеловечной войны.

Библиографический список

1. *Асташов А.Б.* Братания на русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 2(28). С.29-41.
2. *Базанов С.Н.* «Немецкие солдаты стали... переползать к русским «товарищам» и брататься с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С.43-50.
3. *Бахурин Ю.А.* О первых братаниях с противником в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 12. С.167-168.
4. *Курицын С.В.* Братание в 11-й армии Юго-Западного фронта весной-летом 1917 г. как феномен повседневной жизни военнослужащих Российской армии // История: факты и символы. 2019. № 1(18). С.85-97.

С.В. Николаев*

ПИСЬМА ЗРИТЕЛЕЙ И СЛУШАТЕЛЕЙ К ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

В статье рассматриваются письма, обращённые к Владимиру Высоцкому. Предпринята попытка первичного анализа корреспонденции как по её внешним признакам (личность адресата и принадлежность его к конкретной социальной группе), так и по внутренним (содержание писем и их авторский посыл).

Ключевые слова: Владимир Высоцкий, поэт, письма, корреспонденция, поклонники.

ак и многие советские артисты, Владимир Высоцкий получал множество писем от своих зрителей и слушателей. До настоящего времени мы не располагаем данными о том, отвечал ли Высоцкий на письма своих почитателей. Однако факт их прочтения артистом неоспорим. Об этом, в частности, свидетельствует интервью, которое он дал в 1979 году итальянскому телевидению и в ходе которого показал часть прочитанных им писем [1].

Сам Высоцкий не оставлял без внимания письма от поклонников в своём творчестве. Так, он написал в 1972 году стихотворение «Я к вам пишу». Оно начинается со слов благодарности авторам писем. Одновременно он иронизирует над теми, кто в письмах задает поэту нелепые вопросы [3].

При выявлении личной корреспонденции поэта и переписки с ним его почитателей возникли определенные трудности. Отметим, что доступ к этим источникам ограничен. Лишь относительно небольшое количество письменных обращений к поэту (порядка 14 штук) представлено в Государственном культурном центре-музее (ГКЦМ) В.С. Высоцкого в составе постоянной экспозиции. Также в Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ) в личном фонде Высоцкого № 3004 имеются два дела под номерами 179 и 181, в которых содержатся такие письма в общем количестве 268 листов. В силу особенностей данного фонда исследователю доступ к ним затруднён. Также на мемориальном сайте <http://vysotskiy-lit.ru>, посвящённом личности Высоцкого и его творчеству, размещена подборка писем за 1974 год [4].

Мы же, в свою очередь, рассмотрев всю доступную для нас корреспонденцию почитателей творчества В. Высоцкого, систематизировали ее по определённым признакам, а именно по возрасту, полу и социальному положению тех людей, которые отправляли письма своему кумиру.

Высоцкому писали мужчины, женщины и даже дети. Так, «ребята из Красноярска Юра и Миша» своё послание Высоцкому по-своему начинают с обращения «Здравствуй дядя Володя!» [5]. Подобное обращение к поэту от детей по-своему показательное:

* © Николаев С.В., 2022

Николаев Сергей Владимирович (sergey.nikolaev99@yandex.ru), аспирант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; старший научный сотрудник Центра изучения книжной культуры отдела редких книг, Самарская областная универсальная научная библиотека

очевидно, что при всей серьёзности и злободневности своего творчества Высоцкий стал «своим» даже для детей и подростков.

Писали Высоцкому и учащиеся старших классов. Например, ученик 10 класса из г. Ижевска в своём письме приводил такой курьезный случай: «Совсем недавно нам задавали учить какое-нибудь стихотворение Есенина, мне все как-то было некогда. Когда меня спросили читать стих, я взял и рассказал вашу песню “О переселении душ” <... > я получил отличную оценку» [11].

Женщины в основном писали поэту о своей любви к нему и его творчеству. Например, девушка из г. Новгорода восторженно писала Высоцкому: «Посмотрела спектакль “Свой остров” в постановке театра “Современник”, там исполнялись ваши песни. Это восхитительно! <... > В ваших песнях всегда поет душа, а я очень сентиментальная особа, поэтому я всегда плачу. Вот так и сегодня, сижу, смотрю и реву. Наверное, реву от какого-то душевного наслаждения...» [12].

Мужчины в своих посланиях к артисту зачастую не просто восхищаются его творчеством, но и признаются в искреннем уважении к поэту. В письмах встречаются необычные пожелания и сюрпризы. Так, поклонник Высоцкого Павел из Норильска рассказывает, что собрал полную коллекцию песен артиста. Также он просит поэта об услуге: «ради бога, постройте песню о пурге». В конце же письма почитатель обещает приехать по весне в Москву с Таймыра и подарить Высоцкому оленье рога [10].

Поэту писали и из колоний. Заключённый Храпенко из Тюмени признавался Высоцкому, что дома у него «много песен, и концертов для более узкого круга, про лагеря». Обращаясь к Высоцкому, он писал: «Для человека, не побывавшего в этой системе, Вы неплохо осведомлены о здешней жизни. Кстати, у нас был спор об этом, многие почему-то считают, что Вы сидели...» [9].

Сам В. Высоцкий в одном своём выступлении отвечал на подобные реплики в письмах: «Раньше меня часто спрашивали в письмах: “Сколько лет вы сидели?”. <... > Сейчас вроде этот слух прошел: поняли, что не сидел, или, во всяком случае, немного. Многие сплетни и разговоры кончились, когда я начал работать в Театре на Таганке, но иногда я такого про себя наслушаюсь, что уши вянут» [2, с. 60].

В. Высоцкий получал и коллективные письма и обращения. В основном к нему обращались строительные группы и бригады. Высоцкий получил письмо из Набережных Челнов от строителей Всесоюзной ударной комсомольской стройки КамаЗа, в котором они сообщали поэту, что его песни их «волнуют до глубины души, вызывают в ответ что-то такое, чего не выразишь словами, хочется горы перевернуть, быть лучше, выше» [7]. Ему писали и военные, которые благодарили поэта за его песни. А водолазы Краснознамённого Северного флота просили В. Высоцкого написать песню про водолазов, чтобы перед тяжёлой водолазной службой слушать её и вдохновляться, в благодарность обещали прислать Высоцкому «водолазный подарок» [8]. Довольно яркое коллективное письмо из г. Новосибирска, подписанное пятью работниками Академгородка, было получено на радио в 1967 году. В нём авторы писали: «Мы, ничем не примечательные люди <... >. Мы любим Владимира Высоцкого <... >. Видели кинофильм “Вертикаль” – скромный фильм, без ярких “фейерверков”, но проникающий до глубины сердца. Хороша музыка и песни/слова/ Высоцкого» [6]. Как видим, творчеством артиста интересовались и в академических кругах.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ Владимира Высоцкого как выдающейся творческой личности стал формироваться в различных социальных слоях советского общества ещё при жизни поэта. Высоцкий, несомненно, является феноменом советской социокультурной реальности. И в этой связи для его почитателей, как и для большинства советских людей независимо от того, кто был автором писем к поэту, какого пола и возраста, кем он работал и как состоялся в жизни, – Высоцкий был «своим» как для

детей, так и для студентов и ученых, строителей и рабочих, участников Великой Отечественной войны, моряков-подводников и даже для людей, которые сбились с пути.

В противовес эстрадным артистам, у которых была определенная аудитория, аудитория Высоцкого поистине была всесоюзной, народной – в ней были представлены все слои советского общества, те люди, которые когда-либо услышали песни поэта и увидели его актёрскую игру.

Библиографический список

1. «Володя – неудобный человек». Москва, Театр на Таганке, 1979 г. Съёмка телекомпании RAI (Италия).
2. *Высоцкий В.С.* Каюсь! Каюсь! Каюсь! / сост. и коммент. П. Фокина; подгот. текста С. Жильцова. СПб.: Амфора, 2012. 126 с.
3. *Высоцкий В.С.* Я к вам пишу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/19868/ya-k-vam-pishu>
4. *Кузнецова Е.И., Огурцова И.И.* Письма Владимиру Высоцкому (от поклонников и не только). «Здравствуйте! Владимир Высоцкий!» // Мемориальный сайт Владимира Высоцкого. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/pisma/pisma-vysockomu-ot-roklonnikov.htm>
5. Письмо «Здравствуйте дядя Володя...» // Государственный культурный центр-музей (ГКЦМ) В.С. Высоцкого.
6. Письмо «Москва. Радио...», 30.11.1967 // Государственный культурный центр-музей (ГКЦМ) В.С. Высоцкого.
7. Письмо «Мы работаем на Всесоюзной Ударной Комсомольской стройке КамАЗа...» // Государственный культурный центр-музей (ГКЦМ) В.С. Высоцкого.
8. Письмо «Мы служим на Северном флоте, водолазами...» // Государственный культурный центр-музей (ГКЦМ) В.С. Высоцкого.
9. Письмо от И. Храпенко, Тюмень-14, 25.06.74 // Мемориальный сайт Владимира Высоцкого. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/pisma/pisma-vysockomu-ot-roklonnikov.htm>
10. Письмо от П. Волчкова, Норильск, 9.10.74 // Мемориальный сайт Владимира Высоцкого.
11. Письмо от П. Мартынова, Ижевск, 12.12.74 // Мемориальный сайт Владимира Высоцкого.
12. Письмо от С. Козыревой, Великий Новгород, 25.12.74 // Мемориальный сайт Владимира Высоцкого.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале «Самарский земский сборник» публикуются обзорные и оригинальные статьи по историческим наукам, а также краткие научные сообщения и рецензии.

Требования к оформлению статей

Статья, предоставляемая для публикации, должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана.

1. Перед статьей указывается **код УДК**. Его можно определить, в частности, на сайте <http://www.naukapro.ru/metod.htm> и др.

2. После указания авторов статьи дается сноска, в которой должны содержаться фамилия, имя, отчество авторов (полностью), ученая степень, полное название организации – места работы исследователя, адрес электронной почты и телефон для связи с авторами.

3. После названия статьи дается краткая **аннотация** (3-4 строки) и **3-6 ключевых слов/словосочетаний** (отделяются друг от друга запятой).

4. Завершает статью **библиографический список** (т.е. алфавитный перечень всех работ, на которые в статье даются ссылки), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.05-2008, с которым можно ознакомиться по электронному адресу: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614>

5. При использовании интернет-ресурсов желательно ставить название сайта / сетевого ресурса.

6. Ссылки в тексте на упомянутые в библиографическом списке труды оформляются в квадратных скобках [1]; [1; 2], при необходимости с указанием страниц: [1, с. 21]; [1, с.21; 2, с.33].

7. Ссылки в тексте на упомянутые в библиографическом списке **архивные фонды** оформляются по следующему принципу: [3, оп.4, д.257, л.86об].

Обязательные параметры электронной версии статьи:

- файл в формате *.doc или *.rtf;
- объем статьи – не более 4 страниц, включая аннотацию и библиографию;
- поля: 2 см с каждой стороны;
- абзацный отступ – 1 см;
- межстрочный интервал – 1,5;
- шрифт Times New Roman; размер основного текста – 14, сносок – 12, аннотации и ключевых слов – 12.

Библиографический список в конце статьи:

– в список помещаются только те работы или архивные фонды, на которые есть ссылки в тексте;

– список составляется **в алфавитном порядке**.

Статьи просим направлять на имя ответственного секретаря издания Леонтьевой Ольги Борисовны по электронному адресу: oleontieva@yandex.ru

Образец оформления статьи

УДК..

Инициалы, фамилия***НАЗВАНИЕ СТАТЬИ**

Аннотация:

Ключевые слова:

Текст статьи [1, с.21]... [1; 2]... [1, с. 23; 2, с. 14]... [3, оп.4, д.257, л.86об].

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
2. Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119-132.
3. Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С.18-35.
4. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 22 с.
5. Репина Л.П. От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000848-1-1>
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 470.
7. РГИА. Ф. 777.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.150.
9. ЦГАСО. Ф.153.